

П.А. Новиков

Полное собрание сочинений

Том 5

16+

Павел Александрович Новиков

Полное собрание сочинений. Том 5

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43684698

SelfPub; 2019

Аннотация

Том 5 из 5. Сценарии полнометражных фильмов, совсем слегка поправленные под требования прозы. Или, если угодно, романы в специфической форме подачи. В общем, пять «романо-сценариев». Арт-хаус старой доброй школы с отклонениями в ту или иную сторону «массовости».

Содержание

Предисловие	4
Немного странное дело	6
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Предисловие

Реинкарнация писательства после затяжного многолетнего периода отсутствия оною. Исток создания данных сценариев в ничего-не-делании на работе (для убиения рабочего времени), чему были свои причины и в контексте самих сценариев они не интересны. Тем не менее, делать было нечего и как-то в очередной раз, почитывая интернет, набрёл я на сценарии начинающих сценаристов. Очень меня впечатлило. В плохом смысле этого выражения. Такая скукота, настолько ни-о-чём, так (...) написано, что подумалось мне внезапно: «Чем я хуже? Хуже-то уже и не напишешь. А так и себя проверю, и время убью, а если повезёт, то и киношку вдруг снимут...» В общем, совпало всё. И так как наивность – моё второе имя, а писание в стол – моё кредо, то почему бы и нет? На том и порешилось.

Тут же стал я думать идеи. Изначально, дабы охватить потенциальную аудиторию с обоих флангов, поставил я себе задачу написания сценариев с одной стороны для массового зрителя, а с другой стороны – «кино не для всех»; арт-хаус, если угодно. Соответственно, были задуманы три сценария от первой категории: «Наследие», «Проводник: долгая дорога» и «Охотник». От второй категории, т.е. классический арт-хаус, были придуманы «Немного странное дело», «Про-

стая жизнь: от и до» и «Один день». Последний сценарий в данный итоговый сборник не вошёл, т.к. во-первых избыточно личное, а во-вторых не очень-то оно и получилось. В итоге, ощущение, как будто автор замахнулся, да не смог, а потому и ну его. Остаётся те самые пять сценариев: три для массового зрителя и два арт-хауса.

Следует уточнить, что указанная дихотомия условная. То, что я называю «для массового зрителя» очень даже можно счесть арт-хаусом, тут уж как подать («снять») и как посмотреть. В среднем же – на стыке массового и авторского, чему в истории кинематографа есть примеры, но, по моему *скромному* мнению, таких примеров очень немного, а посему мне уже гордо и радостно. Арт-хаус же у меня в самом классическом понимании; ещё той старой доброй школы без кровящи, «смысло-бреда» и обилия порнухи.

В качестве предисловия отмечу ещё следующее: в данном сборнике, для интереса читателя, удалены логлайн, синопсис и хронометраж. Первые две обязательных составляющих сценария убраны для сохранения интриги (чтобы было ну совсем как кино смотришь), а хронометраж – просто потому что на кой он читателю? В остальном ничего нигде не менялось; как писалось-предлагалось, так оно и есть. В общем, приятного «просмотра»!

Немного странное дело

Детектив в духе арт-хауса.

Общие положения

Стиль

Стилистически фильм относится к категории детективов, но по причине «странности» расследуемого дела его нельзя назвать собственно детективом. Это скорее арт-хаус на почве детектива. Отсюда и требования к восприятию фильма. Кино размеренное, даже немного чопорное, монотонное; здесь нет всплеска эмоций, апогея, драматичной развязки... (в понимании детектива). Всё в подтексте, а на виду – плавное перетекание сцен, небольшая затянутость, тишина и спокойствие.

Длительность

В связи с всё той же монотонностью и построением сюжета исключительно на диалогах, длительность считается исходя из длительности игры одной страницы текста (порядка 2...3 минуты). Таким образом, общая длительность фильма должна составить около 100...130 минут.

Перетекание сцен

Для поддержания вышеуказанной размерности предполагается использование (местами) незаметных переходов одной сцены в другую. Подразумевается, что есть некая сценка (кадр), являющаяся одновременно концом одной сцены и началом другой. Например, герой разговаривает с персоной А, задумывается (лицо героя крупным планом), поворачивается обратно к собеседнику, другой ракурс, разговор продолжается уже с персоной Б. Где имеют место быть данные переходы – указано ниже по тексту.

Смирновы и Алексей

Смирновы – это семья жертв и подозреваемых одновременно. Большая богатая семья, живущая в большом особняке в элитном районе. Особенность представителей данного семейства – они очень добрые, воспитанные и открытые. По поведению – как лучшие аристократы, сошедшие со страниц романов Толстого или Достоевского, со всеми их манерами, воспитанностью, учтивостью и особенностями построения речи. Алексей, хоть он и не Смирнов, точно такой же. В этом заключается необычность диалогов и сцен в целом: словно кино о 19 веке, в духе экранизации «Братьев Карамазовых». Такое поведение героев обязательно и нужно ещё и по следующей причине:

Противопоставление

Смирновы и Алексей – как «пришельцы» из позапрошлого века, их поведение и мораль давно устарели. И они добрые, любвеобильные, открытые. Они *положительные*. И есть Даниил (следователь) с его начальником: они обычные, из нашего времени. Самые обыкновенные представители современного поколения с налётом поведения представителей силовых структур. Они тоже хорошие, но они не такие, как *положительные* Смирновы и Алексей, а *значит* они *отрицательные*. Это должно неявно, подтекстом, противопоставляться. Только ближе к концу Даниил меняется и становится более *положительным*. В этом противопоставлении, в контексте поведения а-la 19 век и а-la наше время, в изменении Даниила, заключается весь смысл.

Действующие лица

Даниил Сергеевич (Д)*

Главный герой. Следователь местного отделения полиции. Мужчина, крепкий (но не «шкаф»), высокий, с короткой стрижкой, чуть старше 30 лет. В поведении очень жёсткий, уверенный в себе, не привык считаться с чужим мнением: в разговоре часто обрывает собеседника на полуслове, если его речь кажется не интересной. Ответственный, всегда пытается докопаться до сути дела, а потому умеет хитрить и выводить на чистую воду. Уважает только начальство и то только по причине всё той же ответственности и, соответ-

ственно, субординации. Немногословный, улыбается крайне редко и то такое выражение лица больше похоже на ухмылку, чем на открытую улыбку. В общем, приятной личностью, а тем более приятным собеседником, его не назовёшь. Со временем, разбираясь с нижеописанным делом, Даниил меняется: он начинает прислушиваться к чужим словам и чувствам, становится более добрым и отзывчивым, что, в частности, проявляется в манере его разговора. Хотя и после этих изменений Даниилу ещё далеко до «добряка»: просто человек становится скромнее и больше думает о других, а не только о себе и своих делах.

Константин (К)

Непосредственный начальник Даниила Сергеевича. Спокойный, обстоятельный, довольно жёсткий, но в то же время и добрый, подполковник, с большим опытом работы и пользующийся авторитетом у коллег. Знает множество случаев из практики, которые всегда приводит в пример, а потому всегда может подсказать в трудных ситуациях. Внешне – обычный офицер полиции в возрасте 50...60 лет: строгое выражение лица, немалый вес (но не толстый), большой живот.

Алексей (А)

Обвиняемый по делу об убийстве жены. Худощавый мужчина, около 30 лет, скромный, замкнутый, вежливый и учтивый, неуверенный в себе. Алексей всегда сутулится, на до-

просах почти всегда смотрит в пол.

Владимир Иванович (В)

Отец семейства Смирновых. В меру тучный мужчина, около 50 лет, но выглядит ещё хорошо. Носит аккуратную, но довольно окладистую, бороду. Взгляд у него всегда добрый, часто улыбается; неизвестно, как он может выглядеть, когда злится. Даже когда он расстроен, улыбка всё равно хоть немного, да остаётся. Общительный, можно даже сказать – балабол и сплетник, но нудным его назвать нельзя. В разговоре всегда смотрит в глаза, учтив; производит впечатление очень открытого и доброго человека.

Елизавета Павловна (Е)

Жена Владимира Ивановича. Очень опрятная женщина, чуть моложе 50 лет, но выглядит не более, чем на сорок. Хотя обстоятельства жизни в последнее время её сильно подкосили: излишняя худощавость, синяки под глазами, грустный взгляд. Но всё равно за всем этим просвечивается настоящая женщина, воспитанная в лучшем духе аристократизма. Елизавета говорит размеренно, с дежурной аристократической улыбкой; она всегда может поддержать разговор и улыбнуться в нужный момент, даже если на душе у неё скребут кошки. Елизавету нельзя назвать жёсткой или сильной женщиной, но хоть как-то обидеть её или перечить – язык не поворачивается.

Антон (А)

Старший сын семейства Смирновых. Молодой человек, 24 года, склонный к полноте, но толстым его назвать ещё нельзя. Общительный и улыбчивый, весь в отца. Уважает чувства других, но при этом всегда стремится говорить правду. В общем, обходительный добряк; более молодая копия Владимира Ивановича.

Кирилл (К)

Средний сын. Высокий и стройный (но не худой), немного прихрамывает, 20 лет. В отличии от Антона, обладая той же обходительностью и добротой, гораздо менее улыбчив и более серьёзен. Здесь он больше похож на мать. Относительно молчалив, но любит пофилософствовать и за этой его философией чувствуется, что действительно в нём скрывается некое Знание. Точнее, вера; Кирилл верующий, но не сказать, что очень набожный. Впрочем, проповедями не донимает и считает, что верить или не верить – это личное дело каждого.

Настя (Н)

Самая младшая представительница Смирновых. Молодая симпатичная девушка, 17 лет, невысокая, стройная, может быть совсем немного склонная к полноте. В части поведения – больше всего похожа на «обычных» людей из всех Смир-

новых. Она не такая учтивая и чопорная, как мать, и душа у неё не нараспашку, как у отца. Настя может и нагрубить, и позлорадствовать и сказать всё, что она думает. Хотя воспитание и сдержанность не позволяют ей «проявить» себя в полной мере. Но по отношению к «своим» (в семье – это только мать) Настя всё же очень добрая, типичная Смирнова.

Анна (А)

Служанка в доме Смирновых. Худощавая женщина, около 60 лет, довольно приятная на вид, не смотря на свой возраст. Любит слухи и новости, любит пообсуждать что-нибудь «этакое», а потому совсем не умеет держать язык за зубами; в этом плане её может переплюнуть только Владимир Иванович. Но по хозяйству Анна – незаменимый человек: работающая, обходительная и со всем всегда согласная.

Ксения (К)

Медсестра в больнице. Молодая женщина, чуть больше 20 лет, «кровь с молоком», но далеко не толстая, скорее интересная. Небольшого роста, со светлыми волосами, уложенными в обычный хвост. Скромная, совестливая и деловитая.

Врач (Вр.)

Соответственно, врач отделения интенсивной терапии. Худощавый мужчина, с залысинами, около 40 лет. Склонен

к подчинению, всегда всё докладывает, что надо, опасается брать на себя ответственность. Но добрый; подчинённые, да и начальство, относятся к нему хорошо.

Так же, эпизодически, участвуют несколько сержантов полиции и эксперт-криминалист; специальных требований к данным персонажам не предъявляется.

* – Буквами в скобках обозначены герои в диалогах.

Обстановка

Кабинет.

Подразумевается кабинет Даниила Сергеевича: обычный кабинет следователя в обычном отделении. Небольшой, мебель старая, стол у окна, затёртый стул для посетителей и неоднократно перекрашенный железный сейф в углу.

Кабинет начальника

Такой же обычный кабинет начальника в отделении, где работает Даниил. Относительно большой, со столами расположенными буквой «Т». Но мебель такая же старая, да и ремонт хоть и делался когда-то, но уже давно.

Дом

Большой коттедж, можно сказать – особняк, с просторной

прихожей, столовой, широкой лестницей и т.п. признаками хорошего дома. Дом стоит на участке с аккуратным, ухоженным садом и задним двором с небольшой беседкой. Дом расположен где-то в пригороде, в элитном районе и по всему видно, что здесь живёт семья с достатком далеко выше среднего.

Больница

Конкретнее: отделение интенсивной терапии относительно неплохой больницы. Отделение находится на первом этаже (обязательно). В отделении имеется палата с постом медсестры на несколько коек для тяжёлых больных.

Офис

Личный кабинет Владимира Ивановича в его строительной фирме. Кабинет просторный, с дорогой мебелью и совсем свежим ремонтом. По кабинету сразу видно, что фирма серьёзная и денег на такую мелочь, как обстановка кабинета, здесь не жалеют.

Эпизод 1. Вводный.

Сцена 1

Обстановка: кабинет, ночь.

Действующие лица: Даниил, Алексей, дежурный

В кабинете сидят Даниил и Алексей (во всех сценах он в наручниках), понуро опустивший голову, которого Даниил допрашивает. Заметно, что Даниил «на взводе» и питает неприкрытое презрение к Алексею.

Д – Объясни мне, как так можно?

Алексей молчит.

Д – Ты же с ней столько лет прожил. Она ведь любила тебя, да? Друзья ваши говорят, что любила без памяти.

После небольшой паузы Алексей кивает.

А – Да.

Д – Что «да»?

А – Любила (со вздохом). И я её любил.

Даниил усмехается.

Д – Ты любил? Зачем же ты тогда её грохнул?

А – Потому что любил.

Д – Ты идиот?

А – Нет, я любил.

Даниил бьёт кулаком по столу и, привстав, нависает над Алексеем.

Д – Хорош комедию ломать! (пауза) Ты понимаешь, что тебе светит? Пожизненно! Или, если ты и, правда, идиот, лечение в «дурке», где ты точно дебилом станешь!

Алексей всё так же молчит, безвольно опустив голову.

Даниил садится на место; вздыхает, успокаивая себя.

Д – Ты её убил?

А – Я.

Д – Значит, больше отпираться не будешь?

А – Не буду.

Даниил кивает.

Д – Уже хорошо. Рассказывай, как.

А – Я уже рассказывал.

Д – Ещё раз.

Заметно, что Алексею неприятно об этом рассказывать.

А – Я дождался, когда она уснёт, достал из тумбочки

нож...

Д – Где нож взял?

А – Купил.

Даниил усмехается.

Д – Купил он... Как всё просто.

Алексей молчит.

Д – Дальше что?

А – Достал нож и ударил в сердце.

Д – Дальше.

А – Разбросал по квартире вещи, ценные вещи выкинул,

переоделся...

Д – Якобы только что пришёл?

Алексей виновато кивает.

А – Да. Вызвал полицию...

Д – И что, ты думал, что у тебя на одежде не останется пятен крови?

Алексей снова молчит.

Д – Две недели нам мозги пудрил...

Даниил облокачивается на стол, приблизившись к Алексею.

Д – Теперь самое интересное: почему ты её убил?

А – Она меня очень любила... и я... я не хотел делать ей больно.

Даниил раздражённо вздыхает.

Д – Ты, правда, идиот или нас за идиотов держишь?

Алексей молчит.

Д – Ещё раз: почему ты убил свою жену?

А – Я влюбился в другую женщину. И мы с ней...

Д – У тебя появилась любовница (утвердительно).

Алексей с неохотой кивает.

А – Да. Я стал хуже относиться к Лене, она стала меня... раздражать. Но она была очень хорошая; очень. И я очень любил её...

Д – Так кого ты любил?

Алексей задумывается.

А – Я очень хорошо относился к Лене.

Д – Уже яснее.

А – И мне было её очень жаль. Она видела, что я стал относиться к ней по-другому и очень из-за этого переживала. Она боялась потерять меня. Очень боялась. Потому что очень любила. И мне было её жалко, но я не мог ничего с собой поделать. Я влюбился в другую, как мальчишка, совсем

без памяти...

Д – Короче.

А – Лена не пережила бы, если б я её бросил. А она мне столько хорошего сделала, она была такая... замечательная. Я не мог её предать, это было бы слишком жестоко. Но и с нею я не мог быть. И, кажется, она начала что-то подозревать, она страдала. Я заставил страдать очень хорошего человека, и мне было её так жаль...

Д – Короче. (настойчивее) Почему?

Алексей поднимает голову.

А – Я же объяснил.

Даниил снова бьёт кулаком по столу.

Д – Что ты объяснил?! Что ты за хрень сейчас тут городишь?!

А – Я сказал правду.

Д – Ох... (еле сдерживаясь). Какую, на хрен, правду? Что Лена была хорошая, и тебе было её так жалко, так жалко, что ты...

А – Да.

Д – Что «да»?!

Алексей даже немного вздрагивает.

Д – Ты расчётливо убил свою жену, которая любила тебя без памяти. Это какой скотиной надо быть... Это... И даже непонятно, почему ты её убил! За что?

Алексей продолжает молчать.

Д – Ты можешь внятно объяснить, почему ты решил её

убить?

А – Потому что Лена была таким светлым, добрым человеком и она меня так любила, что я не хотел делать ей больно.

Д – Это законченная мысль?

А – Ну... да.

Даниил некоторое время молчит и утвердительно кивает головой.

Д – Да, надо будет назначить психиатрическую экспертизу.

А – Я говорю правду.

Д – Хорошо, пусть правда; предположим, что правда, хотя больше похоже на бред; ну ладно. Как ты додумался до убийства?

Алексей пожимает плечами.

А – Я не мог больше быть с ней и не хотел делать ей больно, какой здесь ещё может быть выход? Вы просто не понимаете, каким замечательным, удивительным человеком она была, и как она любила меня. Не сочтите за бахвальство, но она и правда не смогла бы без меня жить. Я это наверняка знал. Она была очень светлым человеком, которого я просто не мог...

Звонит внутренний телефон.

Даниил снимает трубку.

Д – Да... Да, сейчас съезжу... Зайду. Хорошо.

Даниил кладёт трубку.

Д – Серёга! (в дверь)

Даниил встаёт из-за стола.

Дверь открывается, заходит молодой сержант.

Д – Уводи этого, я на выезд.

Сцена 2

Обстановка: больница, ночь.

Действующие лица: Даниил, врач, эксперт (Э), Ксения, Владимир, Мария, молодой полицейский

Отделение интенсивной терапии обычной больницы. Палата находится на первом этаже, окно открыто для проветривания. В палате три койки, напротив которых стоит стол дежурной медсестры. Вокруг коек установлена куча аппаратуры; две койки пусты, на третьей лежит Мария Фёдоровна, с головой накрытая простынёй. Из-под простыни выходят провода датчиков, трубка капельницы и трубки аппарата искусственного дыхания. Перед палатой стоит полицейский – относительно молодой сержант, безразлично облокотившись на стену. В палате с окна снимает отпечатки эксперт; за столом сидит медсестра; рядом, на стуле, о чём-то усиленно думая, сидит Главврач.

К палате подходит Даниил и, на ходу поздоровавшись с сержантом, заходит внутрь.

Д – Здорово.

Все поворачивают голову в сторону Даниила, который, не обращая внимания на врача и медсестру, подходит к эксперту и здоровается с ним за руку.

Э – Доброе утречко. Чего так долго?

Д – Да с Ивлевым заболтался... (машет рукой).

Даниил подходит к телу, приподнимает простынь.

Д – Чего тут?

Эксперт пожимает плечами.

Э – Тут труп бабульки, кто-то аппарат искусственного дыхания отключил. Вот товарищ (кивая на врача) тебе всё расскажет, он же, кстати, и звонил.

Даниил поворачивается к врачу, который встаёт со стула; здороваются за руки.

Э – Пётр Матвеевич, дежурный врач, а это Ксюша (указывая на медсестру), она дежурила.

Д – Ну пойдёмте в коридор, не будем мешать.

Э – Ты, кстати, не убегай потом, разговор есть.

Д – Не убегу (не оборачиваясь).

Даниил выходит в коридор, следом врач и медсестра. Подходят к окну; Даниил облокачивается на подоконник, врач и медсестра становятся рядом.

Д – Ну рассказывайте.

Вр – Да что рассказывать... В общем...

Д – Кто обнаружил?

Вр – Ксюша.

Д – Рассказывайте, Ксюша.

Ксения явно чувствует себя некомфортно и, может быть, даже немного побаивается.

Пауза затянулась.

Д – Вы ещё ничего не сказали, а уже такое ощущение, что недоговариваете.

Ксения слегка улыбается.

Вр – Ей просто по шапке теперь сильно достанется, тем более что она совсем недавно у нас работает. Так что, поймите... Ей же не положено пост покидать, а она отлучилась.

Д – Надолго? (обращаясь к Ксении)

Ксения собирается с силами.

К – Честно сказать, кофе ходила делала, минут десять не было, может пятнадцать. Но это не для протокола. В протоколе запишите, пожалуйста, что я в туалет на минуточку отлучилась.

Даниил улыбается.

Д – Хорошо, запишу. Люблю честных людей.

Ксения скромно кивает в знак признательности.

Вр – Ну и вот, Ксюха пришла, а на кардиомониторе уже прямая линия. Она мне позвонила, сама за аптечкой экстренной полезла, тут я прибежал, стали колоть и тут я заметил, что на аппарате лампочка моргает, что у него питание пропадало, а...

Д – Так, может и правда, свет отключали?

Вр – Нет, тут всё надёжно сделано, зарезервировано, никакое отключение электричества не страшно. Это только

специально кто-то выключил, а потом включил. И этот кто-то не знал как аппарат работает; что если ему программу не сбросить, то аппарат сигнализирует об отключении питания.

Д – Угу. Дальше.

Вр – Что дальше? Дальше обкололи, но уже поздно. Тут я и думаю, полицию звать надо, кто-то ж аппарат отключал. Сам ничего трогать не стал. Ну а потом вы приехали (пожимает плечами). Всё.

Даниил кивает. Небольшая пауза.

Д – А окно кто открыл?

Вр – Так оно сейчас всегда открыто, духотища такая стоит.

Даниил снова кивает.

Д – Первый этаж, окно всегда открыто, медсестра периодически отлучается...

Вр – Но мы же её не охраняем, кто ж знал...

Д – Да это понятно. Вас никто и не обвиняет.

Вр – Тем более, старенькая бабулька, не бандит какой-нибудь, и в мыслях не было...

К – Владимир Иванович идёт.

По коридору стремительно идёт Владимир, порядком запыхавшийся.

Д – Это кто?

Вр – Муж дочери бабульки, глава семейства, так сказать.

Владимир подходит и первым делом здоровается за руку с врачом, затем с Даниилом.

В – Здравствуйте. Здравствуйте. Спасибо, что позвонили.

Не похоже, что Владимир убит горем, но то, что он расстроен – сомнений не вызывает.

В – Я прямо сразу примчался, жене сказал, что по делам, пусть хоть выпится, а сам вот видите, спешил как мог, хоть на прощание... А что здесь делает полицейский?

Д – Кто-то аппарат искусственного дыхания отключил.

Пауза.

В – Что вы говорите? (Владимир не на шутку удивляется)
Мы, конечно, были готовы, что Мария Фёдоровна нас скоро покинет, но что вот так... А как же так?

Д – Разбираемся.

В – А можно туда... (делая неуверенный шаг к палате)

Д – Чуть позже, сейчас эксперт свои дела доделает.

Владимир кивает.

В – Простите, а вы...

Д – Даниил Сергеевич. Следователь.

В – Даниил Сергеевич... А я Владимир Иванович. Вы, если что...

Даниил переводит взгляд на врача.

Д – Вы, наверное, идите, я потом протокол напишу, подпишите. И телефончик свой, напомните, вам выдать; если что вспомните, сразу звоните.

К – Угу.

Вр – Мы там (указывая на коридор), во втором кабинете будем.

Даниил кивает.

Врач и медсестра неспешно уходят.

В – Это надо же так. Вот чего не ждали, того не ждали, честно вам скажу. Я, признаюсь, удивлён. Очень удивлён. Кому же это могло понадобиться убивать Марию Фёдоровну? (пожимает плечами) Ума не приложу. Просто не понимаю.

Д – Все убийства происходят или случайно, или из-за денег, или из-за чувств, в том числе страх, месть, любовь... И на случайное убийство это не похоже. Может ей кто-нибудь хотел отомстить?

В – Да ну, бросьте. Мария Фёдоровна была очень светлым человеком; очень. Вот муж её покойный, тот – да, тот ради денег... Но он уже лет двадцать, как умер. Нет, никто не мог ей мстить.

Д – Деньги?

В – Да тоже...

Д – У неё наследство осталось? Квартира, может?

В – Квартира... Есть немного недвижимости, счёт может миллионов на пятьдесят, шестьдесят, не больше, всё от мужа покойного, но...

Даниил кивает.

Д – Неплохо...

В – Да не сказать, что много. У меня в компании годовой доход не меньше, так что вряд ли, что эта сумма...

Д – Завещание было?

В – А как же? Было, конечно. Я вам даже доподлинно могу сообщить, что там было написано, потому что я присутствовал при его составлении. И юрист как раз мой хороший знакомый был, Эдуард Иванович, порядочный человек, между прочим, которых сейчас не так часто и встретишь. Он, знаете, в своё время...

Д – Так что в завещании было написано? Если не секрет, конечно.

В – Да какой секрет? Всё внукам. Половина Кириллу, а ещё половина поровну между Антоном и Настей.

Д – А Кириллу почему больше?

В – Очень они были связаны друг с другом, особенно последнее время. Прямо не разлей вода. Но вы не подумайте чего, на это никто не обижается. Кирилл, пока не уехал, от Марии Фёдоровны не отходил, часто вместе сидели, то за бога беседу вели, то ещё за что; любители были, знаете ли. Так бывало, что по полночи слышно...

Д – В общем, наследство у бабушки было.

Владимир снова пожимает плечами.

В – Ну как сказать? Не очень большие деньги, я вам говорил, но тем не менее...

Д – Давайте так. Вы мне сейчас напишите имена и телефоны всех домашних; всех, кто общался с бабулей последнее время...

В – Да с кем она общалась кроме нас? Уже сколько лет болела, никуда из дома не выходила, только что с семьёй...

Д – Тогда только телефоны семейства. Напишите?

В – Конечно, напишу (достаёт из кармана телефон, Даниил достаёт записную книжку). Вы в любое время звоните... Вам продиктовать?

Д – Диктуйте.

В – Так, прямо по алфавиту, Анна, служанка наша, она хоть и не родственница нам, но уже как член семьи. Давно у нас работает, всё знает, и поговорить с ней всегда можно. По-житейски, скажу я вам...

Д – Телефон...

В – А, ну да.

Владимир переводит взгляд на телефон и всматривается в экран.

Сцена 3

Обстановка: кабинет, утро.

Действующие лица: Даниил, Анна

Даниил собирает какие-то бумаги, разложенные на столе, в одну стопку. Смахивает рукой пыль. Анна молча сидит на том же стуле для посетителей, на котором до неё сидел Алексей; Анна молчит и с интересом наблюдает за уборкой Даниила.

Д – Ну всё. Так... Вы в курсе, по какому поводу я вас вызвал?

А – Да, я отпрашивалась у Владимира Ивановича и он мне рассказал.

Д – Хорошо.

Даниил берёт, лежащую на краю стала, записную книжку. Открывает её. Берёт ручку, готовясь записывать. Далее, на протяжении всего диалога, Даниил делает в книжке какие-то пометки.

Д – Расскажите мне о Смирновых.

А – Что рассказать?

Д – Как живут, кто к кому как относится и вообще, кто есть кто. Как к Марии Фёдоровне относились... Я же потому вас первой и вызвал; вы же наверняка всё про всех знаете и, при этом, не являясь Смирновой, можете судить более или менее непредвзято. Ведь можете, надеюсь?

А – Не знаю.

Д – Ну хотя бы постарайтесь.

А – Я попробую.

Д – Итак, Смирновы...

А – Смирновы... Семья такая, довольно состоятельная, ну...

Анна не знает, что именно рассказать.

Д – Нет, давайте проще.

Даниил перелистывает записную книжку на страницу назад.

Д – Владимир Иванович.

А – Владимир Иванович? Владимир Иванович – он... Он

– глава семейства. У него свой бизнес, строительная фирма, денег хватает, так что никто больше не работает. Вернее, как, ещё Кирилл работает у того же Владимира Ивановича, то есть у отца, но он только год как институт окончил, так что работает так... Но вроде числится. Кирилл вообще-то...

Д – А Владимир Иванович – он какой?

Анна улыбается.

А – Он добрый. Никогда плохого слова от него не слышала, даже не слышала, чтобы он голос повышал, а я у Смирновых уже больше десяти лет работаю. Очень хороший человек и помочь, если что, всегда может. Ничего плохого не хочу сказать.

Д – Угу... А Елизавета Павловна – это кто?

А – Это жена Владимира Ивановича, дочь покойной Марии Фёдоровны.

Д – Чем занимается?

А – Да ничем, всё больше дома сидит, или гуляет, или по магазинам ходит. Правда, в последнее время выходила из дому не часто, за Марией Фёдоровной ухаживала. Мария Фёдоровна, она ж, знаете, уже давно болела; рак у неё был. Последнее время уже и обезболивающие почти не помогали, так мучилась... А Елизавета Павловна всё ухаживала. Целыми днями от неё не отходила. И врачей она искала... Правда, как искала, услышит где-нибудь или вычитает в интернете, а Владимир Иванович потом договаривается, возит, платит... Но всё равно, уже несколько лет, как кроме Марии Фёдоров-

ны никаких дел у неё и не было. Елизавета Павловна и сама от этого занятия знаете, как страдала? Она и похудела последнее время сильно, почти не ела. Бывало, день с Марии Фёдоровной сидит, рассказывает ей, что всё хорошо будет, а ночами плачет; я же вижу, что плачет. Выматывало это всё её конечно, откуда только в человеке столько терпения? Даже удивительно, я на неё всегда поражалась: как можно видеть, как человек мучается, а Мария Фёдоровна очень от болезни своей страдала, но при этом ещё и приободрять её, ухаживать...

Д – Кстати, Мария Фёдоровна в больнице давно лежала?

А – Ну как сказать... Последнее время частенько, периодически полежит, потом дома, потом снова полежит... То, бывало, в сознание по несколько дней не приходила, то в сознании. Но лучше уж, скажу я вам, без сознания, тогда не больно. Ой, не дай бог так умирать, страшное дело. А в последний раз... Чуть больше недели пролежала. Она дома сознание потеряла, её отвезли, потом она пришла в себя, всё стонала целыми днями, никак обезболивающее не могли подобрать, потом, в последний день, кажется, опять без сознания была...

Д – А Елизавета Павловна и Владимир Иванович что делали в последнее время?

А – Да всё то же самое. Елизавета Павловна целыми днями у Марии Фёдоровны сидела, Владимир Иванович за ней заезжал вечером; тоже сидел; бывало, что и на несколько ча-

сов на ужин опаздывали, засиживались. А так... Да всё то же самое.

Д – Понятно. Ну, хорошо, а кто такой Кирилл и почему ему полнаследства досталось?

А – Кирилл – это средний сын Владимира Ивановича и Елизаветы Павловны, внук Марии Фёдоровны. Есть ещё старший сын Антон и младшенькая Настя, она в этом году в институт поступает. Кирилл – он... Философ что ли. Нет, не философ, конечно, и не сказать, что сильно верующий, но... Что-то такое. Он вообще к Марии Фёдоровне всегда привязан был, а последнее время всё они о вере, о Боге, ну и о смерти, конечно, поговорить любили. Кирилл всё Марию Фёдоровну успокаивал, что там хорошо будет и всё заставлял её причастица, что бы она в раю оказалась, очень он в это верил и желал Марии Фёдоровне счастья и в том мире тоже. А Мария Фёдоровна – она ж атеистка, никогда в жизни в церкви не была и всё отказывалась. Вот они и беседовали...

Д – Кирилл – он какой?

А – Ну какой... Обычный. Не знаю. Последние годы немного стал... Более замкнутым что ли; ещё больше в свою веру ударился, как в Англию уехал.

Д – В Англию?

А – Ну да, он там учится. Два года уже, третий пойдёт. Приезжает пару раз в год, на каникулы, вот изменения и заметны. Скажу я вам, слухи недавно ходили, но я не в курсе, честно сказать, от Антона слышала, что Кирилл как в Ан-

глию приехал, то ли свободу почувал, то ли ностальгия так сказалась, но пустился он там во все тяжкие; дел каких-то натворил, долгов понабрал... Только вы родителям не рассказывайте, он их очень расстраивать не хочет, даже не представляете, как очень.

Д – Не расскажу.

А – Вот он, в общем, покуролесил, да видать взялся за ум, в вере спасся, укрепился, так сказать. Последний раз, когда он приезжал, уже совсем другой человек. Уехал – открытый парень такой. Потом первый раз приехал, прямо повеселел как будто, понаглел что ли; потом приехал – грустный-грустный, молчаливей камня; потом смиренный какой-то приезжал, замученный, а потом, когда в последний раз был, возмужал прямо: уверенный такой, спокойный, всё о Боге рассказывает, да философствует. Всё меняется. Но не в курсе, что именно там было, не знаю. Я ещё удивлялась таким переменам, а как недавно о его делах там узнала, так мне всё и стало понятно.

Д – Так он сейчас ещё там, в Англии?

А – Ну да, теперь-то, наверное, приедет на похороны, на несколько дней, должен приехать обязательно.

Д – Ясно.

Пауза.

Д – А старший сын – Антон, да?

А – Да, Антон. Он такой... Довольно строгий, но тоже добрый; все добрые. В детстве, в юности точнее, тот ещё ба-

ловник был, не слушался, всё по-своему делал. Не сказать, что совсем оторви и брось, конечно, но шалопай, шалопай; его только Кирилл и сдерживал. Они вообще не разлей вода всегда были, всегда вместе. Хотя и разные. Кирилл однажды Антону буквально жизнь спас, натурально спас. Это ещё лет семь назад было. Гуляли они где-то, а Антон – он же неугомонный, вот и кинулся через дорогу, не глядя, а Кирилл видит, что он сейчас под машину попадёт, и бегом за ним, оттолкнул его, а сам попал, ногу ему тогда переехало, сильно раздробило, думали без ноги останется, но нет, собрали врачи, обошлось. С тех пор, кстати, Антон угомонился, смерть почуял что ли, или понял, что он близким своим плохо делает, в общем ответственной стал, повзрослел сразу. Они потом ещё ближе стали.

Даниил кивает.

Д – Остаётся Анастасия, да?

А – Настя – она такая... маменькина дочь что ли. Тут интересно. Никого не слушается, никто не авторитет, кроме матери, Елизаветы Павловны, тут у них самые нежные чувства друг к другу. Очень она мать любит. Уже сколько раз было, придёт с гулянки какой поздно, бывало, что и выпивши, и если видит меня, всегда просит «только маме не говори, пожалуйста, только не маме». А с братьями, с отцом, да и с той же Марией Фёдоровной... Нет, не близки, особнячком держится. Если бы не мать, даже не знаю... Но ради матери, скажу я вам... Несколько лет назад Елизавета Павловна заболе-

ла, сильно, грипп тяжёлый был, температура такая была... Даже бредила. Так Настя специально простудилась, чтобы ей больничный дали, и чтобы она могла с матерью посидеть, а та, значит, совестью не мучилась, что Настя из-за неё прогуливает.

Д – Откуда же вы знаете, что специально?

А – Так я смотрю, погода плохая, а она на улице сидит, вся одетая, но без шарфа и газировку из холодильника пьёт. Я подхожу к ней, говорю, мол, простудишься, горло застудишь, домой иди, а она с улыбкой так: «вот и хорошо, не мешай мне Анна и маме смотри не скажи». Вот как.

Д – Интересно.

А – Интересно? Может быть. Это, наверное, по женской линии любовь к родителю, заведено так.

Д – Кстати, по поводу интересного, ничего такого последнее время не наблюдали?

Анна пожимает плечами.

А – Нет, ничего. Грустно всё было, из-за Марии Фёдоровны, но как обычно.

Д – На днях, вчера в частности? Никто не нервничал, на часы не поглядывал?

А – Нет, не было такого.

Д – Может, кто дома отсутствовал или ночью мог уйти?

А – Нет, все дома были.

Д – Но уйти незаметно могли?

А – Могли, конечно. И Антон мог, и Настя, та вообще

частенько уходит, а под утро возвращается. Елизавета Павловна или Владимир Иванович, конечно, незаметно друг для друга не уйдут, они в одной комнате спят и...

Д – А Владимир Иванович, он... (не знает, как продолжить мысль)

А – Неужто, на него думаете?

Д – Нет, на него я в последнюю очередь думаю, я с ним разговаривал и... Тяжело с ним, кстати, общаться (усмехается). Но не похож он на человека, который способен убить. Но всё равно, каким-то... Слишком спокойным он что ли показался.

А – Я вам так скажу, ожидали, что Мария Фёдоровна скоро преставится, так что неожиданности не было. А что горем не убит... Так это и Елизавета Павловна утром сказала, что слава богу, что Мария Фёдоровна отмучалась. Она же так страдала... Ужас, просто ужас.

Д – Вы говорили.

А – Вы просто не представляете. И вот эта атмосфера в доме... Я знаю, что вам надо найти убийцу, я всё понимаю, но кто бы это мог быть из семьи... Не знаю, ни про кого-бы ни подумала. Да, чего уж греха таить? В сущности, всем стало лучше. Но знаете, почему лучше? Потому что Марии Фёдоровне, наконец, стало хорошо.

Даниил на секунду задумывается.

Д – Ну может тогда кто-нибудь не из семьи? Может враги какие, обиду кто затаил?

А – Вот это я точно не знаю. Если по этому поводу, то вы лучше с Елизаветой Павловной пообщайтесь, она в курсе всех дел. Владимир Иванович – он больше в работе, домом мало занимается, дом на Елизавете Павловне, может она вам что и расскажет.

Д – С Елизаветой Павловной пообщаться, да?

Даниил откидывается на спинку стула и задумывается, глядя в потолок. Возвращение к разговору из данного положения есть начало сцены 4 (переход к следующей сцене без смены ракурса).

Сцена 4

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Елизавета

Даниил продолжает задумчиво смотреть в потолок; снова облокачивается на стол.

Д – Так скажите всё-таки, были ли у Марии Фёдоровны какие-то тайны?

На стуле сидит Елизавета. Вид у неё довольно печальный, взгляд пустой, глаза заплаканы. Говорит она тихо, еле слышно и с явной неохотой; в диалоге много «затянутости» и пауз.

Елизавета пожимает плечами.

Е – Не знаю я никаких тайн, не припомню.

Д – Ну может у неё какие недоброжелатели были?

Е – Даниил Сергеевич, ей было 82 года, какие в этом возрасте могут быть враги?

Д – Согласен, но мало ли...

Е – Нет, право, не знаю.

Д – А в последнее время она ни с кем не встречалась?

Елизавета какое-то время вспоминает.

Е – Последний раз, месяца три или четыре назад, подруга её заходила. Как раз маме перед этим совсем плохо стало, и она приходила проведать. Но с тех пор... Нет, никого.

Д – И никаких подозрений?

Елизавета задумывается.

Е – Нет, пожалуй, что никаких.

Даниил откидывается на спинку стула и скрещивает руки на груди.

Д – Я на вас надеялся; я так понял, что вы всё про всех знаете.

Елизавета усмехается.

Е – Это вам Анна, должно быть, сказала? Нет, боюсь, я не смогу вам помочь.

Даниил некоторое время молчит.

Д – Как вы узнали, что... Мария Фёдоровна скончалась?

Е – Владимир сказал. Я проснулась, спустилась вниз, он меня ждал.

Д – А во сколько он домой приехал?

Е – Не знаю, я не спрашивала.

Д – А во сколько уехал, знаете?

Е – Ночью. Точно не знаю. Ему позвонили, он взял телефон и вышел из комнаты, сказал, что по работе, я тут же опять заснула.

Д – И не спросили, кто звонит?

Е – Ему часто звонят по работе, и вечером, и ранним утром, и ночью бывало, если на стройке что случается. Я не спрашиваю. Я не в курсе его работы.

Д – На часы не посмотрели, да?

Е – Нет, не смотрела.

Даниил кивает.

Е – Что ж вы думаете, это Владимир? (грустно улыбаясь) Или, быть может, я? Может для того я здесь, что вы меня подозреваете?

Д – Нет, я пока никого не подозреваю, просто хочу разобраться.

Е – Разберитесь, будьте любезны.

Пауза затянулась.

Даниил облокачивается на стол.

Д – А скажите, Елизавета Павловна, а что там за история с Кириллом?

Е – Какая история? (Елизавета не на шутку удивляется)

Д – Да вот ходят слухи, что Кирилл там, за бугром, дел каких-то натворил, может даже долгов каких набрал...

Елизавета машет рукой.

Е – Пустое. Это Анна рассказала, я так понимаю? Анна часто у нас слышит звон, да не знает где он.

Д – Но всё же, было что?

Е – Насколько мне известно, Кирилла действительно ещё с первого курса чуть было не отчислили, что-то плохо он там за учёбу взялся, но потом исправился и на этом дело кончилось.

Д – А почему его хотели отчислить?

Е – Первое время он очень переживал, что он там, в чужой стране, как он писал, даже поговорить не с кем, вот и... Загрустил. Но потом всё встало на круги своя.

Даниил всматривается в глаза Елизаветы, пытаясь понять, правда она ничего не знает, или обманывает его.

Д – Наверное, так оно и было; я, видимо, что-то не так понял.

Е – Видимо.

Д – А когда Кирилл приезжает?

Е – Сегодня ночью, скорее всего.

Д – И когда с ним можно будет поговорить?

Елизавета вздыхает.

Е – Даниил Сергеевич, я понимаю, что это ваша работа и, надо полагать, вам и самому не доставляет удовольствия расспрашивать измученных людей, но, будьте любезны, сжальтесь над нами; проявите сострадание. Дайте нам похоронить маму, а потом разговаривайте со всеми сколько хотите. Даю вам слово, мы никуда не сбежим.

Елизавета пытается изобразить улыбку, но у неё это плохо получается.

Д – Я понимаю, что вы не сбежите, и я не требую Кирилла прямо срочно, просто – когда?

Елизавета задумывается.

Е – Завтра похороны, завтра никак... А вы же, в конце концов, со всеми говорить будете?

Д – Хотелось бы.

Е – Вот и чудненько. Приходите, Даниил Сергеевич, к нам на ужин в субботу. Часам к шести. Все будут. Вот со всеми и поговорите.

Даниил удивлён.

Д – На ужин?

Е – А почему бы и нет? Нам скрывать нечего, а хорошим людям мы всегда рады.

Д – Так может я не хороший?

Е – Бросьте, я людей понимаю, вы хороший. Придёте?

Даниил усмехается и, приподняв брови, кивает.

Д – Да, а что? Приду.

Е – Но дайте мне слово, что не будете слишком жестоким.

Даниил не понимает.

Д – Э...

Е – Не будете?

Д – Не буду.

Е – Просто я должна знать наверняка, иначе мои дети меня не поймут. И это было бы кощунство по отношению к памяти мамы.

Д – Понимаю.

Даниил снова собирается с мыслями.

Д – Но всё-таки, когда Кирилл приезжал на каникулы...

Е – Даниил Сергеевич, всё в субботу. Извините, мне сейчас тяжело разговаривать; я, пожалуй, пойду.

Даниил не находит, что сказать. Елизавета встаёт.

Д – Подождите, я вам пропуск подпишу.

Даниил подписывает пропуск и протягивает его Елизавете.

Е – Вы уж простите, что я не знаю никаких тайн.

Д – Бывает (с улыбкой).

Е – С вашего позволения.

Даниил кивает; Елизавета уходит.

Д – Н-да.

Даниил усмехается и откидывается на стул; он потирает глаза руками.

Сцена 5

Обстановка: кабинет начальника, день.

Действующие лица: Даниил, Константин

Даниил открывает дверь кабинета.

Д – Вызывали, Константин Петрович?

К – Заходи, садись.

Константин отрывается от чтения какой-то бумаги и откладывает её в сторону.

Даниил садится за стол.

К – Ну что там за бабуля?

Д – Бабушка старенькая, давно болела раком, в очередной раз лежала в больнице, кто-то отключил аппарат искусственного дыхания. Медсестра отлучалась, первый этаж, окно всегда открыто.

К – Всё?

Д – Пока всё. Отпечатки пальцев везде только медперсонала, ничего стоящего. Только, что с причиной и временем смерти ясность есть, а так... Пока не очень понятно.

К – Что непонятно?

Даниил усмехается.

Д – Да всё. Никаких улик и никакого мотива путного. Только вот есть там некий Кирилл, у него как раз сейчас, вроде бы, остро стоит проблема с деньгами, так что для него бабулька померла как нельзя кстати. Но он за границей, так что алиби железное.

К – Ну это не проблема и нанять кого, если сильно денег надо.

Д – Так-то – да, не проблема, но я с ним ещё не общался, пока не знаю.

Константин откашливается.

К – А что, бабулька при деньгах была?

Д – Да там всё семейство богатенькое, миллионами ворочают. И у бабульки тоже значка немаленькая была, говорят, цифра с семью нулями.

Константин кивает.

К – Да-а, красиво жить не запретишь. Значит, денег хватало.

Д – Да там тоже не совсем ясно. Вроде и хватало, и Кирилл этот сильно задолжал, вроде бы, правда ещё не знаю, сколько именно, и у отца он попросить не мог, так что...

К – Поговорить надо.

Д – Надо. Кирилл этот, вроде бы, на днях приезжает, а послезавтра меня на ужин зазывают.

К – Да ты что? Прямо-таки и на ужин?

Д – А то!

К – Интересно.

Д – Да там все какие-то... интересные.

Пауза.

К – Ну а ещё какие мысли?

Д – Не знаю... Я сегодня с их прислугой пообщался, с матерью семейства тоже поговорил, но... Служанка вроде и правда ничего не видела, не слышала, а из матери и трёх слов не вытянешь; сидит, зарёванная вся, а толку – ноль.

К – Это понятно. Понятно...

Д – Может дочь её вместе с мужем сговорились, потому как, я так предполагаю, доконала она их своей болезнью. Терпение, оно ж не железное. Но тоже... Так, догадка ни о чём.

К – Но тоже может быть.

Д – Может.

К – Ну ты поразнюхай пока.

Д – Конечно.

К – На ужин этот сходи, поглядишь, кто с кем как общается. Кирилла этого, опять же, увидишь... Тут ты прав, если есть деньги, то обычно всё из-за денег и происходит.

Д – Ну да. Я вот всё-таки к Кириллу склоняюсь, но с кем он договаривался и как провернул... Может брат замешан, или сестра... Хрен его знает.

К – Ну разбирайся, разбирайся.

Даниил кивает. Пауза.

К – Так, ладно, а с Фроловым что?

Д – С Фроловым? То, что он признался в убийстве – это вы в курсе, да?

К – В курсе.

Д – В общем, как дело было – понятно, всё сходится. А вот из-за чего он свою жену грохнул... Загадка.

К – Почему? Какая-то загадка?

Даниил усмехается.

Д – Да вот непонятно, то ли дурак, то ли косит под дурака, может, прикрывает кого. Любовница у него была, оказывается, может её как компрометировать не хочет... Короче, разбираюсь с мотивом. А то, может, психиатрическую экспертизу надо назначать и на принудительное лечение...

Константин усмехается.

К – Случай мне вспомнился. Взяли мы одного товарища, за убийство. Вроде нормальный. Допрашиваем-допрашива-

ем, нет, не то что-то у него с головой. Назначили экспертизу. И правда, мысли такие... Не от мира сего, мягко говоря. Ладно, ведём дальше, как психа. Но опять что-то не то, путается он в своих убеждениях, забывается. Ага, думаем, косит под психа, уцепился за верёвочку. Опять признали его нормальным, уже и суд скоро. И тут он сокамернику оговаривается, что к нему какая-то Памма приходит, приказы ему выдаёт, о чём нам сокамерник и сообщает. Мы его опять на экспертизу. И что ты думаешь в итоге? Оказывается, он и правда псих, типичный шизофреник с глюками, но, разумеется, скрывает этот факт. А когда понял, что его раскусывать начинают, стал другим психом прикидываться, чтобы Памму эту выгородить. Во, как бывает.

Д – Интересно.

К – А то! Полгода мы в нём разобраться не могли; то нормальный, то псих. Так что, не торопись с экспертизой, сам попробуй разобраться. Экспертизу назначить мы всегда успеем.

Д – Это – да.

Константин потягивается.

К – Ладно, разбирайся, не торопись. Теперь давай до понедельника, там всё и расскажешь.

Даниил снова кивает.

Д – Пойду я?

К – Иди.

Даниил встаёт, направляется к двери.

Д – До свидания.

К – Давай.

Эпизод 2. Как обычно.

Сцена 1

Обстановка: дом, вечер.

Действующие лица: Даниил, Владимир, Елизавета, Кирилл, Антон, Настя, Анна

Сцена разделена на несколько частей (по тексту части выделены отступом). Части означают разное время вечера, но, при этом, диалог прерываться не должен; одна часть должна плавно перетекать в другую, незаметно. Признаком изменения времени должен являться фон – стол: сначала ужин только подан, потом почти всё съедено, потом убрано, стоит чай... И т.п. Таким образом, плавный, цельный диалог должен представлять собой как бы склейку «вырезок», на первый взгляд незаметную.

Фон (стол) далее по тексту указан не везде; на усмотрение режиссёра.

Атмосфера – «тягучая»; все, по большей части, молчат, кроме Владимира (любителя поговорить) и Елизаветы (из приличия). Заметно, что Даниилу не очень удобно, особенно в начале.

Владимир удручѐнно кивает.

В – Оно ж, знаете, в это безвременье, в девяностые, как было? Я же тогда только начинал, с Елизаветой вот работали, бывало, что и сутками дома не появлялись. И всё на Марии Фёдоровне. Всё. Понимаете? С Антоном она сидела, потом с Кириллом... С Настей уже нет, с нею Елизавета занималась. И ведь, скажу я вам, всякое бывало. Время-то такое было... А Мария Фёдоровна всегда поддержать могла; всё валится, а она улыбается и успокаивает. Золотой человек был, золотой.

Е – К слову сказать, ни разу в жизни не слышала, чтобы мама голос повысила или была так огорчена, что б плакать. Сильная была.

К – Даже на нас с Антоном не кричала, а это терпения надо...

В – Да, Мария Фёдоровна была удивительным оптимистом, просто удивительным. Это в последнее время, когда её болезнь совсем подкосила, она уже просить стала...

Елизавета поднимает взгляд на Владимира и тот осекается.

Д – А вы всегда все вместе в этом доме жили?

Е – Очень давно здесь живѐм. Это ещё моему отцу партия под временное жильѐ выдала, дача, а потом мы уже в собственность оформили.

В – Ох и побегал я тогда с оформлением, скажу я вам. Как раз Антон только родился. Честно сказать, столько на взятки

ушло... Дешевле было бы новый дом построить.

Е – Ну не дешевле...

В – Конечно, я утрирую, Даниил Сергеевич понимает. Но сам факт.

Д – И Мария Фёдоровна здесь всегда жила?

В – Да, она очень давно, очень. Отдельно от нас она никогда не жила, если вы это хотите знать, всегда здесь, на виду. Впрочем, она отдавала себя семье без остатка и, не ошибусь, если скажу, что отдельно она жить и не смогла бы. Не нужно этой ей было, нисколько не нужно. Представляете, она, уже будучи немолодой женщиной, далеко не молодой, бегала с ребятами на улице на равных; всё, что бы им веселее играть было...

Е – Ну да, ей уже больше шестидесяти было. Напьётся таб-леток от давления и на улицу, в снежки с Кириллом и Антоном играть.

А – Я, помнится, один раз ей так в лицо снежком попал, нечаянно, конечно, синяк потом был. А она смеётся, хорошо, говорит, получилось.

К – Да-а

Д – А что это за история, если не секрет, что вы Антону жизнь спасли или что-то такое?

К – Да не то, что б...

А – Не скромничай, Кирилл, действительно спас. История-то простая, я знакомого на другой стороне улицы увидел

и кинулся к нему, не глядя по сторонам, разумеется. Чуть под машину не попал. Меня Кирилл оттолкнул, на себя удар принял, до сих пор вон, хромает и как непогода, так нога болит.

К – Да уже не сильно.

А – Я тогда как заново родился, другим стал. И я этим обязан. И жизнью обязан, и тем, что я есть. В долгу я, в сильном долгу, да вот всё никак случая не выпадет долг вернуть (улыбается).

К – Да брось ты, Антон.

А – Нет, Кирилл, я как есть говорю, должен я тебе и точка, жизнь должен.

Н – А меня отвезти должен... И никак не отвезёшь.

А – Ну Настя, я уже всё договорился, съездим мы, дай время.

Настя укоризненно кивает.

В – Вот так, все в делах, всё надо... Жизнь продолжается.

Е – Жизнь – она такая, упрямая.

Фоном Анна убирает пустые тарелки.

В – Это как на старых стройках, я часто вижу, вроде куча мусора, и грамма земли, казалось бы, нет, а смотришь – берёзка прорастает. На крышах видал, из трещин в бетоне растут. Всё больше берёзы, кстати, одни берёзы. Вот как жизнь устраивает.

Е – Да, но жизнь и такой бывает... И жить не захочешь.

Уж как мама последнее время мучилась... Даже вспоминать страшно.

В – Даниил Сергеевич, вы представляется, что такое боли на последней стадии рака? Даже препаратами на основе морфина не снимались. Бывало уже столько уколов сделано, что человек думать нормально перестаёт, а всё стонет. И потом помнит всё, говорит, думать невозможно, каша в голове, и только боль, боль...

Е – А она же ещё нас расстраивать не хотела. Сколько раз было, лежит, молчит и внезапно едва ли ни криком «Лиза, всё, не могу больше, дай...» (потирает глаза).

Н – И ты тоже, ходила сама не своя, ночами не спала, в подушку плакала, а как к бабушке, так улыбку нарисует... Цирк.

В – Настя, не говори так.

Н – А как это ещё назвать?

К – Любовь.

Н – Вот ты всё любовь, бог, а что же твой бог такое допускает? Чем она провинилась, что бы вот так мучиться? И чтобы мама...

К – Испытания...

Е – Перестаньте, пожалуйста.

Пауза.

В – Да, тяжело, очень тяжело, и ведь ничего сделать не можешь; видишь, как человек...

А – Пап, достаточно.

Пьют чай.

Д – По поводу жизни, кстати... У нас случай был, пару лет назад. К семье в дом грабители влезли, трое крепких ребят, с ножами, битами, как положено. И что-то там требовать начали, нож к шее ребёнка приставили, порезали чуть-чуть... Так отец семейства их всех порешил. Трех, голыми руками. Представляете? Трех здоровых лбов с оружием и голыми руками. А сам щупленький вроде такой...

В – Это потому что семья. Семья – она силы даёт. Уж не знаю, как это рационально объяснить, но это так; и это порою ой, как чувствуется. Вот как в вашем случае. Потому за семью держаться надо, нельзя без семьи.

К – Потому что один – былинка, а вместе – поле.

В – Да, Кирилл, это точно. И ради семьи... Вот вы интересный случай привели, но тут личной жертвы нет. Есть естественный порыв, физика. А представьте, я вам случай расскажу. Тамара Александровна, в проектировщиках у меня работала, у неё сын совсем по наклонной пошёл: попал в очень дурную компанию, дома не появлялся, не учился, не работал, наркотиками стал баловаться... В общем, пропадал человек. А сам этот сын, я его после видел, он тоже щупленький такой, но с гонором. Так вот, Тамара Александровна его в армию сдала. Буквально. Буквально сдала. Чтобы он от компании этой отстал. А ведь он слабенький, тут ломки ещё от наркотиков начались, да и упёртый как баран, своеволь-

ный... Как такому в армию? Что с ним там сделают? Просто страшно. И, думаете, ей страшно не было, матери? Этот сыночка её ещё и проклинал перед отправкой. Далёко куда-то, за Урал. Вот каково ей было такой выбор сделать? Через всю себя переступить, а вот так сделать. Ради любви-то.

Д – И... чем дело кончилось?

В – Комиссовали меньше чем через год, по причине отбитых почек, сломанных рёбер и тому подобного. Но зато другим человеком приехал, спасся. Мать спасла. Он ей, кстати, как приехал, потом ровно год каждый день, каждый! смс слал с одним словом: «Спасибо». Я лично эти сообщения видел.

Е – Да, любовь требует жертв.

К – И смелости требует, силы духа. Тут папа прав, самое страшное – через себя переступить ради другого человека; может и собой пожертвовать. И не телом пожертвовать... Тело – что? Пустяк. Мораль свою на плаху положить, душу, быть может, вот это сила, это любовь. Ведь любовь без силы...

А – Сопли.

Е – Ну Антон...

К – Да, так.

В – Так оно и есть, так оно и есть. И вот тут обязательство своё перед семьёй ещё больше понимаешь. Страшно, как понимаешь. Силы вот только не у каждого хватает, чтобы любовь-то спасти; себя, любимого, жалко... Но держать-

ся – да, надо. Семья определяет человека, я так думаю и...
Этим, пожалуй, уже всё сказано.

Н – Вот вы любители пофилософствовать...

На столе всё убрано.

В – Да, заобщались, засиделись. Может, пройдем в гостиную? Как вы полагаете, Даниил Сергеевич?

Д – Да как-то... Поздно уже, пора б, как говорится, и честь знать.

Е – Как знаете, но вы можете остаться, комнаты у нас есть.

Д – Нет, это уже точно лишнее.

К – Мама говорила, вы со мной поговорить хотели.

Д – Ну да.

Е – Действительно, а то заболтались, а по делу и слова не сказали. Нам же, Даниил Сергеевич, тоже хотелось бы знать, кто... Не знаю, правда, как вам Кирилл сможет помочь (читается упрёк).

В – Елизавета, человек делает свою работу; я думаю, Даниилу Сергеевичу лучше знать с кем стоит поговорить, а с кем – нет.

Е – Да, извините.

Д – Ничего, всё нормально, я вас прекрасно понимаю.

Е – Просто...

А – Мам, отпусти уже человека (улыбается, но настойчиво).

Небольшая пауза.

К – Может по саду пройдем? Если хотите, конечно.

Д – Можно. Давайте.

Все встают.

Сцена 2

Обстановка: дом, вечер.

Действующие лица: Даниил, Кирилл

Даниил и Кирилл неспешно прогуливаются по дорожкам сада вокруг дома.

К – Так что вы хотели знать?

Даниил задумывается.

Д – А Антон, он сильный?

К – Да, без сомнения. Именно поэтому отец хочет передать бизнес ему. И это, замечу, правильное решение.

Даниил продолжает думать о чём-то своём.

Д – А вы сильный?

Кирилл пожимает плечами.

К – Не знаю. Нет. Во мне вся сила от веры.

Д – Сильно верующий?

К – Нельзя быть сильно или слабо верующим; если ты веришь, то ты уже сильный. Я это, в своё время, всё бабушке доказать старался (вздыхает). Теперь, слава богу, спаслась.

Д – Что значит «спаслась»?

К – В раю она.

Кирилл смотрит на Даниила и расплывается в улыбке.

К – Вы думаете, я сумасшедший? Нет, вот когда там будете, поймёте, как я был прав. Я это наверняка знаю. И вы мне поверьте. Я вам даже больше скажу, когда я узнал, что бабушку убили, что она не сама... У меня как камень с души упал. Поймите меня правильно.

Д – Пока... не очень.

К – Я же себя виноватым считал, что она в рай не попадёт. Не убедил, значит, не смог веру передать. Она же так и не причастилась, не попросила прощения. А это верный путь в ад. Вернейший, Даниил Сергеевич. А теперь, когда её убили... Теперь и судить по другому будут, и неважно это участие даже. Теперь по делам только посмотрят, да плюсики поставят, что невинно убиенная. Теперь точно в раю сидит (улыбается).

Д – Что-то...

К – Вы даже не представляете, как много это значит для меня. Бабушка меня воспитала, всё детство со мной, а я и малость сделать не смог – к раю направить. Вы, я вижу, удивлены?

Д – Да, честно сказать, странновато слышать.

К – Вот и домашние так говорят. Вроде и понимают, но веры нет. Один Антон, когда мы с ним недавно виделись, сказал, что – да, в раю ей место и добавил, чтобы я не переживал, потому как ещё не вечер. Но он меня часто так успокаивает, всё по причине долга того. Хотя я за ним долга не

вижу, что б вы знали.

Даниил тяжело выдыхает.

К – Запутались?

Д – Да есть немного. С вами... (не находит слов).

К – Это наследственное, так думаю, в нашей семье много любви и это, согласен, непривычно. Но я, все мы, не считаем это зазорным. Я даже так скажу: мы правильные. (пауза). Впрочем, это уже только моё мнение.

Некоторое время идут молча. Даниил о чём-то усиленно думает и в конце произносит еле слышно:

Д – Правильные... Рай, значит... Не вечер... Ерунда какая-то.

К – Что ерунда?

Даниил собирает себя и становится явно строже.

Д – Неважно. Давайте ближе к делу.

К – Давайте.

Д – Расскажите, что вы там, в Англии натворили?

Кирилл сразу становится грустнее.

К – Я же говорил, я слабый, вот и... Всё от слабости.

Д – Так всё же.

Кирилл собирает себя с мыслями.

К – Приехал я, пожил несколько месяцев и такая грусть меня взяла... А что русский человек от грусти делает? Пьёт, конечно. Вот и я в гулянки ударился. Учёбу забросил, связался с компанией... Двое товарищей, из Польши. И так получилось, по пьяному делу, разумеется, что...

Кирилл умолкает.

Д – Я ваш секрет никому рассказывать не буду.

К – Родителям не говорите, и Насте. Антон-то знает, я ему недавно всю правду рассказал; на жизнь жаловался; на себя.

Д – Давно рассказали?

К – Я пару месяцев назад приезжал, неделя свободная выдалась, тогда и рассказал; не мог уже больше в себе держать.

Д – Понятно. Так что вы, в итоге, натворили?

Кирилл собирается с силами; заметно, что ему очень стыдно и неприятно вспоминать, а тем более рассказывать.

К – Натворили мы в итоге изнасилование. Вернее как, не то чтобы... Она вроде и не против сначала была... А может и против? Не помню. Тоже нетрезвая. Но факт в том, что она заявление в полицию отнесла, о групповом изнасиловании. Вы представляете, что это значит? Тут учёба ещё эта... Друзья мои, в общем, договорились, спустили всё на тормозах. Она и заявление из полиции забрала. И с учёбой они договорились. Не бесплатно, разумеется, но... В общем, кончилось всё хорошо. Слава Богу.

Д – И сколько вы им сейчас должны?

К – Сейчас? Я часть отдал из сбережений, а сейчас ещё двести тысяч евро должен.

Д – Не мало.

К – И отдать мне их надо к осени (вздыхает). Вот таких я дел натворил.

Д – Да, сумма приличная...

К – Оно и не сказать, что много, если у отца попросить. Он даст. Но ведь придётся рассказать, почему я оказался должен такую сумму. А он расскажет маме, проболтается. И ведь не обманешь (усмехается, но скорее грустно); папа, если что касается денег, всегда всё узнает, что ему нужно.

Д – Ну теперь-то вам проще, теперь вам наследство отпишут и дело с концом.

К – Теперь...

Кирилл поднимает глаза на Даниила.

К – Вы на меня думаете, да? Вижу, что на меня. Заказал, чтобы с долгом рассчитаться. Я, конечно, слабый, чего уж греха таить? Но не настолько. Убить бабушку из-за нескольких сот тысяч... Очень грустно, что обо мне можно такое подумать.

Д – Я ещё ничего не думаю. Пока не знаю. А то, что о вас такое подумать нельзя... Тоже не поймите неправильно, но я таких... артистов встречал, что ВГИК плакал бы.

К – Я, Даниил Сергеевич, если хотите знать, уже смирился с тем, что придётся всё рассказать. В конце концов, надо отвечать за свои поступки. Я и раньше хотел рассказать, но как приезжаешь на каникулы, как тут все... Из-за бабушки. И я ещё тут. Мало того, здесь горе такое, столько лет уже, а я в это время, оказывается... Развлекаюсь. Прямо чувствовалось, что вот скажу сейчас хотя бы два слова и тут же подо мной бездна разверзнется и провалюсь я туда, со стыда. Нутром это чувствовал, аж ноги подкашивались.

Д – Не такие уж вы и страшные вещи натворили, пострашнее бывает. Поверьте, я знаю, о чём говорю.

К – Дело не в вещах. Дело в отношении к этим вещам. Моё отношение. Моя совесть. И мой грех. Всю жизнь мне замаливать слабость мою.

Кирилл потирает глаза.

Д – Ладно, ясно более или менее.

К – Только вы не рассказывайте никому. Очень прошу вас.

Д – Не расскажу.

К – А то, что бабушку кто-то убил... Я оправдываться не буду, не понимаю – как мне оправдываться, да и почему? А если мнение моё знать хотите, то, скажу я вам, слава Богу, что так. Но не из-за денег; деньги тут совсем ни при чём. Просто отмучалась. Хватило духа у кого-то, не иначе Бог и направил (вздыхает). Царствие ей небесное. Пусть такие слова...

Д – Пойдёмте в дом. Мне уже ехать пора.

Кирилл замолкает и согласно кивает.

К – Да, пойдёмте.

Сцена 3

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Алексей

Алексей молча сидит на всё том же стуле, глядя куда-то

себе под ноги. Даниил задумчиво смотрит в окно. Немая сцена длится довольно долго. Наконец Даниил поворачивается к Алексею.

Д – Давай-ка всё по порядку.

А – По порядку...

Д – Просто расскажи мне свою историю; с чего началось и до того момента, как ты ножом ударил.

Алексей задумывается.

А – Ну...

Д – Я слушаю.

Даниил облокачивает голову на руки и снова поворачивается к окну. Заметно, что думает он о другом деле, но и с Алексеем разобраться надо.

А – Ну... Началось всё с полгода назад. У нас на работе появилась новая сотрудница. И так получилось, что мы с нею... Она была удивительной. Мне было так хорошо с ней, интересно... В общем, я в неё влюбился. Я пытался побороть это чувство, с ума сходил от этих попыток, но всё усложнялось тем, что и она не была ко мне равнодушна. У нас начался роман. Я приходил домой и считал минуты, когда я лягу спать, наступит завтра, и я снова увижу её. А выходные для меня были наказанием. Разумеется, я стал относиться к Лене совсем по-другому. Да я и сам изменился. Стал раздражительный, вспыльчивый...

Д – Устраивали скандалы, били?

А – Нет, что вы? Нет, конечно. Тут не в том дело. Дело

в том, что я хотел быть только с... С той, но не с Леной. С Леной я уже не мог жить. Нет, не подумайте чего, я её очень любил. В своё время я отбил Лену у другого парня, богатенький такой, мажор. Лена влюбилась в меня и была со мной очень счастлива. У неё не было семьи, она из детдома, так что, выходит, кроме меня у неё никого не было. И я с нею был счастлив. Пока не повстречал... её.

Даниил усмехается.

Д – Неужели ж так голову отшибло?

А – Вот не поверите, отшибло, напрочь. Я и забыл, что бывают такие чувства. И так мне стало грустно и страшно, что с Леной уже нет такого.

Д – То есть голову отшибло тебе, а грохнуть ты решил жену?

А – Я сам виноват, это несомненно, но что можно поделать? По крайней мере, я не мог с собой справиться. В общем... Лена стала что-то подозревать. Может просто чувствовала, сердцем; вряд ли, что узнала от кого. Я подозреваю, что у неё началась депрессия. Она страдала. Лена пыталась вернуть меня, не ругалась, не задавала вопросов, всё делала, как я люблю... Это мучало меня ещё больше. И, должно быть, ещё больше злило. И Лена не могла ничего сделать. Она видела, что я отдаляюсь, но не могла ничего сделать. И я видел, что отдаляюсь и знал, что это неправильно, что я дурак и слабак, но тоже ничего поделать не мог. А потом... Потом мы расстались с... с моей новой любовью. Она нашла

себе другого. Но это ладно. Это не страшно. Страшно то...

Д – Подожди, подожди. Так ты порвал с этой своей любовницей?

А – Ну да, она к другому ушла.

Даниил зло вздыхает.

Д – Тогда я вообще ни хрена не понимаю, зачем надо было убивать жену? Живи себе дальше, радуйся.

А – Я не мог, уже не могло быть того, что было раньше.

Д – Что «раньше»? (с раздражением)

Алексей пожимает плечами.

А – Любовь.

Д – Любовь... (с усмешкой, но одновременно и задумчиво)

Даниил отворачивается к окну. Пауза.

А – Вы знаете, как мы любили друг друга? Это было лучшее...

Д – Слушай, а может и правда братец?

Алексей не понимает.

Д – Как думаешь, вот ты говоришь – любовь, а по причине братской любви можно убить? (пауза) Можно, наверное, оказать услугу...

Алексей не понимает.

А – Простите...

Д – Ты ж мне должен? Вот и рассчитывайся, помоги с долгом рассчитаться, да?

Оба молчат; Даниил с задумчивым, Алексей с непонима-

ЮЩИМ ВИДОМ.

Д – Может поблефовать, а? Посмотреть на реакцию?

Снова долгая пауза.

Наконец Алексей решает прервать затянувшуюся паузу.

А – В общем, я понял, что хочу снова любить и что это не Лена; Лена мне не нужна. Это было страшно признать; самому перед собой страшно, но я понимал. Та любовь...

Д – Любовь, любовь... (раздражённо). Давай-ка я тебя позже вызову, всё равно ни хрена не понимаю, что ты тут городишь.

Алексей заметно расстраивается и, еле заметно, согласно кивает.

Д – Серёга! (в дверь)

Сцена 4

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Антон

В кабинет заходит Антон.

А – Здравствуйте, Даниил Сергеевич.

Д – Здравствуйте, садитесь.

Даниил настроен серьёзно и даже более того, пытается показаться суровее и увереннее, чем он есть на самом деле.

Д – А когда вы последний раз общались с Кириллом? До его приезда.

А – Он приезжал пару месяцев назад, тогда и общались.

Д – После созванивались?

А – Нет.

Даниил утвердительно кивает.

Д – Хорошо. А когда он приезжал, о чём разговаривали?

Антон пожимает плечами.

А – Да так, обо всём, о жизни.

Д – О долге его говорили?

Антон удивляется.

Д – Да, я в курсе, Кирилл рассказал.

А – Говорили (понуро).

Д – Почему Кирилл просто не мог попросить денег у отца?

А – Просто попросить... Тут не всё так просто. Отец, он людей насквозь видит и точно знает, когда ему врут. А уж Кирилл – он такой... Врать совсем не умеет. Даже если что-нибудь не договорить, отец это почувствует и докопается до правды. Даже проще, он не даст денег, пока ему всю правду не расскажешь. Так уже не раз бывало. Знаете, сколько случаев было, когда я, или Кирилл, или даже Настя, просили у него денег на что-то такое... что не надо знать, предлоги придумывали. Всегда, всегда, Даниил Сергеевич, отец выводил на чистую воду. И это факт. Этот факт у нас у всех уже в крови. Потому возможность обмануть даже не рассматривается.

Д – Да ладно, обмануть, можно же и правду сказать; ну наделал дел по пьяни, с кем не бывает?

А – Бывает. Согласен с вами. Можно и понять. Более того, я понимаю, прощаю Кирилла, да и отец бы понял и простил. Но не мать.

Д – Не говорить матери.

А – Как у вас всё просто, Даниил Сергеевич; завидую я вашей простоте. Но не так всё. Вы же отца нашего видели? Вы представляете, чтобы он такой секрет в себе держал? Он же страсть какой... общительный. А это же такая благодатная тема для обсуждения! И с мамой они всегда всем делятся. Так что ясно, как божий день, что отец рассказал бы всё маме. И вот это уже страшно. Это просто убило бы её.

Д – Даже так?

А – Посудите сами, Даниил Сергеевич. Мало того, что твой сын, кровинка твоя, в которую ты всю душу вложила, насильником оказался, так ещё и... Ситуация ведь тогда какая была? Мать от бабушки не отходит, горе такое в семье; вся семья вокруг здоровья бабушки вертится. А в это время, пока она тут... Пока бабушка умирает и мы с ума сходим от происходящего... В это время внук её любимый развлекается как может, пьёт и домогается женщин. В глазах моей мамы это было бы просто недопустимое, вопиющее предательство и бабушки, и её самой, и вообще всей семьи, которой она так дорожит. Это просто убило бы маму и наверняка, если и не навсегда, то на очень-очень долго, закрыло бы дверь для Кирилла. А ведь Кирилл привязан к семье не меньше прочих... Вот и что прикажете делать? Просить денег у отца?

Даниил кивает.

Д – Смысл ясен.

А – Не всё так просто, Даниил Сергеевич, не всё так просто.

Д – Ну и как Кирилл думал отдавать долг? Ему же, я так понимаю, времени совсем мало осталось.

А – Думал сознаваться и будь, что будет. Он смирился уже. Я в последний раз его смирение ясно понял. Он полагал, что приедет на каникулы, они уже скоро у него, и расскажет всё. Так думал.

Д – А у друзей занять?

А – У каких друзей? Одним... друзьям (с усмешкой) он уже должен, а больше он друзей не нажил.

Д – Что ж, никаких знакомых нет?

А – Нет, знакомые есть, конечно, но такой, которому можно было бы довериться... Нет, я таких не знаю. Нет, ни здесь, ни там друзей у него настоящих нет.

Д – Только вы?

А – Я бы сказал, только семья, ну и я, разумеется. Тем более, что мой долг перед ним... Впрочем, вы знаете эту историю.

Д – Знаю... А как вы, кстати, не вернули ещё должок?

А – Нет, не представилось возможности. Но верну, обязательно верну, если вдруг случай.

Д – Какой случай?

А – Вот этого я не знаю. Всякое может быть. Не знаю.

Д – Но ведь он мог вас о многом попросить...

Антон явно не понимает намёка.

А – Разумеется, мог, да и кого ещё ему просить, если не меня? Но ведь он тоже гордый. Он так просто не попросит. Это если уже совсем край, тогда ещё может быть, и то через себя перешагнёт. А так – нет, не дождёшься просьбы от него. Я вам больше скажу, я и случай такой представить не могу, чтобы он меня о чём-то попросил и я действительно смог помочь. Нет, никогда он не попросит; не дождусь я.

Даниил всматривается в Антона.

Д – Так можно же и самому... услугу придумать.

А – Вот такой ситуации, Даниил Сергеевич, я и жду. Но дождусь ли?

Антон улыбается; он разводит руками.

Д – А что значат ваши слова, что ещё не вечер? Вы Кириллу говорили.

А – Я уже и не помню, в каком разговоре я так сказал. Должно быть и говорил, что-то там за долг было, кажется, он за сроки переживал, а я и отвечал, чтобы он не изводил себя, потому как время ещё есть. Что-то такое.

Д – И всё?

А – Что именно?

Д – Больше ничего в виду не имели?

А – Нет, пожалуй. Да и что можно иметь? Не понимаю.

Даниил начинает блефовать.

Д – Нашли мы одного свидетеля...

Даниил всматривается в глаза Антона, но страха не заметно.

А – И?

Д – Видели в ту ночь под окнами человек какой-то ошивался...

Антон кивает.

А – Всё ж зацепка какая, я полагаю. Это хорошо, что видели.

Д – Хорошо. На вас, говорят, похож.

Антон сначала удивлённо приподнимает брови и почти сразу расплывается в улыбке.

А – Ах вот оно что, Даниил Сергеевич! Вот почему вы про долг-то Кирилла расспрашивали, про друзей его, да про мой должок! Мол, должок я так вернуть захотел? (кивает) И ведь думал я так! Вот как на духу сказать могу, что так и думал! Были мысли. Думаю, и бабушке помогу, и мама с папой отмучаются наконец, и долг верну. Замечательно было бы. Я и представлял себе именно так. Тут вы правы, очень часто мысли меня такие посещали. Хорошо ведь было бы, не так ли?

Даниил очень удивлён реакции и прямоте Антона и не находит, что сказать.

А – Я так даже в фантазии себе рисовал. Да даже и план составлял! Но не получился у меня план этот. Дома – мать всё время рядом, да и если что, она себя обвинять будет. Жестоко это было бы по отношению к маме. А в больнице...

Так я и не придумал, как незаметно туда проникнуть. Там же постоянно медсестра сидит, как пробраться?

Д – Но она, бывает, и отходит.

А – Это я предполагал. Но где притаиться, выждать момент?

Даниил не понимает.

Д – Так окно же открыто...

А – Даниил Сергеевич, это я сейчас знаю, что там в жару окно не закрывают. Наслышан, что через окно пробрались. Но я-то у бабушки в последний раз ещё ранней весной был; стыдно сказать, но как она в последний раз в больницу легла, так я её ни разу и не навестил.

Д – А до этого? Прошлым летом?

А – Прошлым летом бабушка ещё в обычном отделении лежала, не в интенсивной терапии. А сюда она попала первый раз ближе к зиме, когда морозы в декабре, помните? ударили. Вот я к ней зимой хаживал, весной пару раз заходил... Да с тех пор и не был. А если бы я знал, что окно-то так... Может и совсем по-другому мы бы сейчас с вами разговаривали.

Даниил задумывается.

Д – А ведь действительно, убийца знал, что окно не закрывают...

А – Нет, я мог как-то это и узнать. Допустим, отец мог сказать, что вот, мол, были у бабушки, духотища стоит, даже то, что окно не закрывают, не помогает. Ну, или типа того.

Но мне так никто не сказал. Может, и к сожалению, не вышло мне с долгом моим расплатиться, брату помочь. А может и к счастью; как говорится, отвёл бог.

Д – А кто мог знать, что окно не закрывается?

А – Отец с матерью. Кто ещё ходил? А, ну Настя с ними недавно заезжала, где-то с неделю назад.

Д – Настя? Недавно, да?

А – Совсем недавно, ну максимум за неделю до... смерти.

Д – И Елизавета Павловна... (задумчиво).

А – Неужто думаете, кто из них? Мама, конечно, порою говорила, что мучение это одно и для бабушки и для неё, но...

Д – Говорила, да?

А – А как вы думаете, Даниил Сергеевич, состояние мамы? Что в таком состоянии подумать и сказать можно? Я честно скажу, я уже за здоровье её психическое переживать начинал; да все переживали, а вы говорите – сказала. Слова, они ведь...

Д – Здоровье, говорите...

Даниил задумывается, повернувшись к окну.

Возвращение к диалогу – начало сцены 5 (незаметный переход, как между сценами 3 и 4 эпизода 1).

Сцена 5

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Елизавета

Даниил снова поворачивается к собеседнику.

Д – Да, здоровье не купишь.

Е – Вот и я о чём, Даниил Сергеевич, вроде и деньги есть, а оно... Вон как.

Д – А ваше здоровье как было? Нервы?

Е – Нервы? Нет во мне уже нервов, все кончились. Выматывало всё это. Нет, не болезнь сама, не то, что я силы свои трачу; беспомощность изматывала. Самый близкий тебе человек так страдает, а ты ничего, абсолютно ничего, сделать не можешь. Уж сколько я слёз пролила от таких мыслей... Что я только ни думала, что бы муки её прекратить.

Д – Что думали?

Елизавета отмахивается.

Е – Это и неважно. Всего и не вспомнишь. Столько мыслей за эти бессонные ночи пронеслось... (вздыхает). Порою, сидишь рядом с нею, держишь за руку, а она стонет в беспомощности. Или если она обе руки держала... Она любила, чтобы обе. Тогда сидишь так и даже слёзы вытереть нечем, так и капают с подбородка... И уже думаешь, что вот сейчас, сию секунду, или с ума сойдёшь, или... Извините.

Елизавета открывает сумочку и извлекает оттуда носовой платок, промокает глаза.

Е – Слабая я, Даниил Сергеевич, особенно в последнее время слабая стала. Не могла я так больше. Бывало, что я к

ней в комнату только под самую ночь приходила, говорила, что дела у меня, а сама в это время просто отдыхала. И стыдно потом так было... Но сил не было. Прямо чувствовала, что вот если она опять стонать начнёт, я... Я не знаю, что сделаю. Или если она опять просить будет... Извините.

Елизавета снова потирает глаза платком.

Д – А что она у вас просила?

Е – Помощи она просила, чтобы я... Но слабая я, не могла помочь, так и не смогла.

Д – Так что за...

Е – Даниил Сергеевич, не мучьте меня, пожалуйста.

Затянувшаяся пауза.

Е – Я даже когда узнала, что бабушка умерла, что её убили, знаете, что первым делом подумала? Что мир не без добрых людей. И, слава Богу, что наконец... Мне и сейчас за эти мысли стыдно. Что я... избавилась. Но было такое. Было. Сжалился кто-то... Чужой. А ведь если бы я была сильной... И столько раз я об этом думала, прямо порыв такой иногда, что вот сейчас... (снова вытирает глаза).

Д – Да, нелегко вам пришлось.

Е – Да разве ж обо мне речь? Маме моей нелегко пришлось, вот кого жалеть надо. Надо было. Как же я её жалела...

Елизавета вытирает слезу со щеки.

Е – Вы спрашивайте, я понимаю всё.

Д – Спрашивать? Да уже и так понятно.

Е – Понятно?

Д – Понятно, что ничего не понятно (улыбаясь).

Елизавета тоже немного улыбается.

Е – Я и сама ума не приложу, кто бы это мог быть. Очень мне интересно, кто это. Вот нашла бы этого человека и... (грустно улыбается). Расцеловала бы в обе щёки, что он вот так прервал мучения эти. Мамины мучения. Но сколько я ни думаю, не могу сообразить, кто бы это мог быть. Тут вы всё-таки правы, что на семью нашу думаете, ведь кто ещё? Но кто... Не я, не Антон, он врать не умеет, не Кирилл... Настя? Вряд ли, она не была близка с бабушкой. Владимир? Так он со мною спал в ту ночь, если только ему позвонили раньше, и он ушёл не по звонку доктора, а до того? Но... Владимир совсем не умеет хранить секреты, хоть бы и взгляд выдал, я бы почувствовала. Нет, и не он. Не знаю я, чем помочь вам, Даниил Сергеевич. Но вы спрашивайте, спрашивайте.

Даниил улыбается, но скорее грустно.

Д – Идите уже домой, отдохайте.

Елизавета кивает.

Е – Как вам будет угодно.

Елизавета кладёт платок в сумку и встаёт. Даниил подписывает пропуск и протягивает его Елизавете.

Е – Вы обязательно звоните, если что, не стесняйтесь.

Д – Обязательно. До свидания.

Е – До свидания, Даниил Сергеевич.

Елизавета учтиво кивает головой и выходит из кабинета.

Дверь закрывается.

Сцена 6

Обстановка: кабинет начальника, день.

Действующие лица: Даниил, Константин

Даниил открывает дверь кабинета.

Д – Можно?

К – Давай, заходи. Рассказывай.

Даниил садится на то же место, что и в прошлый раз.

Д – Ох, ну и дело, скажу я вам... Вообще муть какая-то. И семейство такое... Мутное. Вот настолько все честные, что аж... слов нет. Всю правду расскажут, все мысли свои выложат, да с такими честными глазами, а зацепиться не за что.

К – Хм... На ужине-то званном был?

Д – А как же? Был. Побеседовали. Но... (разводит руками).

К – Вкусно кормили?

Даниил усмехается.

Д – Вкусно. И домик такой, скажу я вам, не слабый особенячок.

К – Культурно отдохнул, да?

Д – Вообще культурно, но без толку; ничего интересного. Так и можно что-нибудь порой подумать, но не серьёзно всё как-то. С Кириллом общался, у которого со смертью бабули

проблемы денежные решаются. Да, проблемы есть и проблемы серьёзные, но... Сам он убить не мог, за границей был; друзей у него тут нет никаких; что он найдёт через кого-то... Через кого? И если решил бабулю грохнуть, то зачем братцу всё рассказал?

К – Так может братец в пособиях?

Д – И я вот так сразу подумал, тем более, что братец обязанным себя перед ним чувствует, но... Хорошо, есть у них мотив, но тут получается, что братец этот у бабули сто лет не был и не знал, что окно открытое оставляют. Если только услышал... Что это за диалог такой может быть, где скажут, что окно ночью не закрывают? Тоже за уши притянуто.

К – А кто знал?

Д – Знали отец, мать и дочь Настя, они ездили проводить.

К – Мать, это которая ухаживала всё?

Д – Она самая.

Константин многозначительно кивает.

К – Знал я один случай. Дед за бабкой парализованной ухаживал, в деревне, и в один прекрасный день напился и хату поджёг. Вместе с бабкой. Не выдержал.

Д – И я так подумал. Не выдержала доча, терпение кончилось или крыша поехала, грохнула мамашу. Но и тут незадача: её муж точно бы знал, что она из дома отлучалась, а вы представляете себе мужика, который отпустит жену на такое дело? Да он скорее сам убьёт или просто не выпустит из до-

ма. Это, во-первых. А во-вторых, ну... Видно по поведению, что не такой она расчётливый человек. Вот дома, в состоянии аффекта, так сказать, это может быть, но вот так спланировать, или заказать... Нет, не тот человек.

К – А муж? Может и правда в сговоре.

Д – Зачем ему? Если только в качестве посредника между исполнителем и женой? Не сам же он по просьбе жены... Вернее, как, всё может быть, может и так, но...

К – Что «но»?

Д – Да как-то всё за уши притягивать приходится. Один где-то нечаянно услышал, что окно открыто... Второй каким-то невероятным образом исполнителя нашёл... Третий просьбочку выполнить взялся, убить... И вот главное, разговариваешь, не врут ведь заразы! Не похоже, что врут. Уже и так вопрос задашь, и так... Даже не моргнёт никто!

К – Ну, блефовать пробуй, кто-нибудь да занервничает.

Д – Пробовал я уже, Константин Петрович; знаете, что в ответ услышал? Сначала чуть ли ни смех, а потом мне этот товарищ весь план рассказал, зачем и как он убил бы и что я, молодец такой, правильно думаю.

Константин тоже расплывается в улыбке.

К – Н-да...

Д – Вот как тут...

К – Ну так и что делать будешь?

Даниил разводит руками.

Д – Вообще не знаю. Ни на кого подумать не могу, на ко-

го вот сначала думал. А у остальных и мотива-то никакого нормального нет. Тут тем более непонятно; даже в каком направлении думать начинать и то не ясно.

К – Мотив... Есть мотивы очевидные, а бывает такую причину придумают, что только диву даёшься, как у людей мозги так работают.

Д – Ну так о чём говорить-то теперь?

Константин на секунду задумывается.

К – Я в таких тупиковых ситуациях всегда начинал всё сначала. Просто знай, что это не те, на кого ты думал изначально и поговори ещё раз. Со всеми. С самого начала. Ты кого первого допрашивал?

Д – Первую я Анну вызывал, служанку.

К – Вот и вызови её ещё раз. Пусть расскажет, кто смерти мог желать, может слышала чего, да не придала значения. Ну так как-то.

Д – Так я уже...

К – А ты ещё раз (настойчиво).

Даниил кивает.

Д – Ну можно и ещё раз попробовать.

К – Вот и пробуй, дерзай.

Небольшая пауза.

Д – Ладно, пойду я.

К – Иди.

Даниил встаёт и направляется к двери.

К – Мотивы думай, Данила, за-чем.

Даниил на секунду оборачивается и, согласно кивнув, открывает дверь.

Эпизод 3. Сомнения.

Сцена 1

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Анна

Даниил усаживается поудобнее.

Д – Здравствуйте, Анна, присаживайтесь.

А – Здравствуйте.

Д – Уж извините за беспокойство, но в виду того, что появились новые... обстоятельства, мне бы хотелось задать вам ещё несколько вопросов.

Анна согласно кивает.

Д – Как думаете, кому стало бы лучше, если Мария Фёдоровна умерла?

Анна тяжело вздыхает.

А – Честно сказать, всем стало бы лучше. И ей в первую очередь.

Д – Всем... Это, к сожалению, ни о чём не говорит.

А – Ну а как иначе? От этих болей... Такая атмосфера в доме висела, даже не знаю, как сказать. А для меня же эта семья уже как родная, я и сама с этой атмосферой...

Д – Неприятной.

А – Да, неприятной, мягко говоря. Елизавета Павловна сама не своя ходит, Владимир Иванович тоже... Настя на мать смотреть без слёз не может, да и Антон тоже... Все хотели, чтобы Мария Фёдоровна уже отмучалась.

Д – Может оно и так, но убить человека...

А – Я вам так скажу, она же и сама просила, чтобы... прекратили её страдания. Уж как она порою Елизавету Павловну умоляла! Говорит, пожалуйста, сжался, помоги... (вздыхает). Я даже слышала, это ещё в прошлом году было, когда Марии Фёдоровне совсем плохо стало, как Владимир Иванович обещал ей, что если совсем сил у неё не будет, или... если овощем каким станет, что он её... Ну, прекратит мученья.

Д – В смысле, убьёт?

А – Слова у вас такие... Даниил Сергеевич.

Д – Но ведь так?

Анна пожимает плечами.

А – Если хотите, то так.

Д – И вот в последние месяцы ей совсем стало... (задумчиво)

А – Да-да, уже совсем худо, да и надежды уже никакой не было.

Даниил задумывается.

Д – Значит, обещал, да?

Даниил немного наклоняется в сторону Анны.

Д – А расскажите-ка поподробнее...

Сцена 2

Обстановка: офис, день.

Действующие лица: Даниил, Владимир

Даниил открывает дверь кабинета Владимира.

Д – Можно?

В – Да-да, конечно, заходите Даниил Сергеевич. Присаживайтесь.

Даниил подходит к столу, Владимир привстаёт, здороваются за руки.

В – Ну здравствуйте, поближе.

Даниил кивает и садится на стул.

В – Вы уж извините, что я не смог подъехать. Жутко неудобно, но никак не могу сегодня отлучиться. Вот завтра, или хотя бы сегодня вечером... Но вечером вы не можете (разводит руками). Пришлось вот вам сюда ехать... Честное слово, нехорошо как-то получается. Заставил вас...

Д – Ничего страшного.

В – Но как же? Ведь я понимаю вашу работу, а тут ещё...

Д – Я до вас доехал за десять минут, так что не стоит так переживать.

В – Ну может тогда чай или кофе попьёте?

Д – Нет, спасибо, я ненадолго. Да можно было бы, конечно, и не ехать, но просто очень уж мне интересно стало...

В выражении лица Даниила появляется некая «хитринка».

Д – Вот скажите, Владимир Иванович, вы производите впечатление такого... добропорядочного, честного человека.

В – Ну вы скажете, Даниил Сергеевич...

Д – Нет, как есть говорю. Для вас, наверняка, и такие слова, как честь, долг, обещание... не пустой звук.

В – Разумеется! Нет, я далеко не идеал, но я пытаюсь быть честным, а уж насчёт обещаний... Мне даже по работе часто говорят, что как я такой... слюнтяй, умудрился бизнес сделать (улыбается). Такие случаи бывали... Помнится, одолжил я денег, много, под расписку. Ну, точнее, по тем временам много, тогда для меня это была большая сумма. Я, значит, отдаю деньги и говорю, отдавайте расписку. И знаете, что мне отвечают? Говорят, я вам сам расписку напишу, что вы мне ничего не должны, а вашу расписку не отдам, потому как потерял я её. Что бы нормальный человек сделал? Ну, нет расписки, значит и не должен ничего; до свидания. А я думаю, нет, не дело это, не по чести. В общем, отдал деньги и без расписки. А уж как я потом выкручивался... Да-а, те ещё были времена.

Даниил кивает.

Д – Похвально.

В – Я же это, Даниил Сергеевич, не для того, чтобы похвалиться говорю. Просто думаю я так, что если нет в человеке

совести... Чести, если хотите, то и не человек это, а скот какой-то, не более.

Д – И всегда вы обещания выполняете?

Владимир снова разводит руками.

В – Грешен, чего скрывать? Бывало, что и не получалось обещанное выполнить. Уж как я тогда извинялся, вину свою заглаживал... А вы, собственно, к чему этот разговор завели?

Лицо Даниила принимает серьёзный вид.

Д – Да вот, Владимир Иванович, говорят... Говорят, вы Марии Фёдоровне обещание давали.

Улыбка тут же сходит с лица Владимира; Даниил продолжает испытующе смотреть в его глаза.

Д – Вот я и подумал, вы же порядочный человек, честь, совесть... Поговорил сейчас с вами и – да, не ошибся. Да мне и Анна о вас много хорошего рассказала. И, выходит, раз обещали... Не то, чтобы только ради слов этих. Но ведь и лучше всем станет, жене, дочери, выручите семью. Вы же отец семейства, вы и должны проблемы решать. А тут и совесть чиста, ведь худого не сделали; просто выполнили обещание. Даже лучше, для совести-то, чище станет, обещание тянуть не будет. Всем хорошо, ведь так?

Владимир некоторое время молчит.

В – Так.

Д – Да и кто ещё? Если так посудить. Кто знал, что окно открыто и мог, при этом, беспрепятственно выйти из дома?

Чтобы никто не узнал. Только вы, или Анастасия. Но Настя ничего не обещала, насколько мне известно, да и к Марии Фёдоровне относилась, по сути, постольку поскольку; она бы не пошла на преступление ради облегчения участи бабули. Всё же на вас указывает. Я и сначала на вас подумал, уж извините, но не выглядели вы удивлённым, когда тогда в больницу приехали. А тут ещё и обещание это всплывает...

В – Жестокий вы человек, Даниил Сергеевич, по совести-то моей так бьёте, с размаху.

Д – Почему же? Чиста у вас совесть, получается, похвально.

Даниил явно чувствует, что загнал Владимира в угол.

Владимир вздыхает.

В – В том-то и дело, что нет, Даниил Сергеевич, не чиста. Каюсь. Да и не в чести тут дело, не по-людски просто получилось. Да, я обещал Марии Фёдоровне, что позабочусь о ней, когда ей станет совсем плохо. Но не позаботился, струсил; просто струсил. Это она из-за меня страдания приняла, больше года с этими невыносимыми болями... Я в её боли виноват, в её мучениях. И ведь обещал... (вздыхает). Вы понимаете, как вы сейчас сильно ударили меня? На моей совести муки её. Да и не только её муки; и Елизаветы, и детей, да даже и Анны. На моей! Она мне доверилась, а я... (снова вздыхает). Вот струсил и всё! Правильно говорят, что слюняй я, слюняй и есть. Тряпка. Не хватило духу... Вдруг, думаю, поймаю? Что тогда? Бизнесу конец, его передать ещё неко-

му, всё ж через год развалится, семья по миру пойдёт... И вот так страшно становилось от мыслей этих, Даниил Сергеевич, что... Стыдно. Предал я Марию Фёдоровну, всех предал, да и себя предал.

Владимир потирает глаза.

Д – Что-то я не понимаю...

В – А что тут непонятного, Даниил Сергеевич? Я же к Марии Фёдоровне заходить боялся, в глаза ей смотреть не мог. Бывало посмотрю, а она так с укоризной... Всё ждала, когда я... муки её прекращу, до последнего дня, наверное, ждала, взгляд мой ловила... Обещал же (усмехается). А вот и не прекратил.

Д – Значит не вы её...

В – Каюсь, каюсь, не я. Слабый человек.

Некоторое время висит тишина.

Д – Вы так говорите... Не понимаю.

Владимир задумывается.

В – Вот пошли вы с другом в лес, а он в яму попал, ногу сломал. И просит вас, умоляет, сходите за верёвкой. И вы обещаете, а сами... Пришли домой и спать. Каково? И друга вашего семья ждёт, на вас надеется, а вы спите. Не знаю, как ещё объяснить.

Даниил неуверенно кивает; от его запала не остаётся и следа.

Д – Да, это не вы.

Владимир опять разводит руками.

В – Увы. А должен был быть я. И вон оно как всё удачно... Елизавета хоть на себя похожа стала, уже дело какое. Ведь Мария Фёдоровна потом, когда во мне-то сомневаться стала, всё её просила, как человека самого близкого, дочь. Да только...

Д – А Елизавета могла бы?

Владимир пожимает плечами.

В – Она очень любила свою мать и она сильная; мне кажется, она сильнее меня. Выходит, что может и могла бы, да только не уходила она в ту ночь, это я вас наверняка заверить могу.

Д – Так может она наняла кого... (задумывается). Или вдруг, всё-таки Антон? Опять надо...

В – Даже на Антона думаете? Не знаю, вряд ли.

Владимир молчит, думает.

В – Даниил Сергеевич, вы ради бога извините, но у меня, правда, дела. Очень бежать надо. Вы спрашивайте, если очень надо, это, пожалуйста, но по возможности...

Д – Да, конечно.

Даниил кладёт руки на колени, собираясь уходить.

Д – Ну вы извините, что я так... Просто вот как озарение пришло, уж точно думал...

В – Что ж поделать, если работа у вас такая? Понимаю, понимаю. И вы меня поймите, у меня же тоже работа, дела сейчас такие...

Д – Ладно, пойду я.

Даниил встаёт.

В – Знаете что, Даниил Сергеевич, я вижу, вам снова поговорить со всеми надо... Приходите в субботу на шашлыки. К вечеру. Сто лет мы на природе не сидели. Посидим, шашлыков покушаем, поговорим...

Даниил неуверенно кивает.

Д – Я подумаю.

В – Обязательно приходите.

Даниил медленно открывает дверь.

Д – Да (каким-то своим мыслям). До свидания.

В – До свидания, всего хорошего.

Владимир перестаёт улыбаться и грустно вздыхает.

Сцена 3

Обстановка: дом, вечер.

Действующие лица: Даниил, Владимир, Елизавета, Антон, Кирилл, Настя

Вечер, но солнце ещё высоко. Все расположились на заднем дворе дома, в небольшой беседке. Рядом догорают угли мангала. На столе шашлык и овощи, уже частично съеденные, стоит бутылка дорогого коньяка, тоже наполовину пустая. Поначалу атмосфера гораздо более расслабленная, в сравнении с предыдущим ужином.

Д – Или вот ещё случай был, запутанный. Пропала бабу-

ля. Сын сообщил. Говорит, звоню-звоню, а ответа никакого, приезжаю домой – тоже никого нет. А жила она, кстати, в такой... немаленькой квартирке почти в центре. Ну, стали разбираться. Пока разбирались, сын этот уже бабулю оформил, как пропавшую и, получается, погибшую. И квартиру на себя переписал. И тут же мы нечаянно узнаём, что бабулю в последний раз видели, когда она с сыном куда-то вечером уезжала. Ну что? Всё понятно. Сынок бабулю увёз, грохнул и квартиру на себя оформил. Посадили его, допытываемся, где труп спрятал. Выясняется, что живая она, сидит взаперти в какой-то деревне. Приехали, открыли. Бабуля в слёзы, как же сын мой родной... Где ж я жить теперь буду? Стали дальше разбираться и выясняется, что всё куда как интереснее. Оказывается, эта бабуля вступила в секту какую-то, головою тронулась, чуть было квартиру им не подписала, по миру пошла бы бомжевать. Сын как-то узнал это дело и организовал пропажу, чтобы квартиру на себя переписать, а потом, значит, бабулю обратно заселить, когда ей уже отдавать нечего будет. Бабуля, значит, вся возмущённая, посадите, говорит, этого паразита...

В – Да, это хорошо, наша бабушка при памяти до последней минуты была. А то послушаешь, бывала, как люди в ма-разме...

Е – Ну подожди, Владимир, чем дело-то кончилось, посадили?

Д – Не, обошлось. Благо, что я дело придержал, разбира-

лись они в итоге друг с другом, забрала бабуля заявление, секту бросила, живёт сейчас в той же квартире по-прежнему. И ведь видите, как рисковал, ведь сам сесть мог, но что б мать родная без крыши над головой не осталась...

А – А чем вы сейчас занимаетесь, Даниил Сергеевич?

Е – Кроме нас.

Д – Да есть ещё одно дело. Тоже, кстати, интересное (усмеяется). Там товарищ жену свою грохнул из гуманных побуждений.

Е – Как так?

Д – Вот так, зарезал, один хороший удар в сердце. Благо, что не мучилась; наверное, и сообразить не успела, что её убивают. Мутное дело, даже рассказывать не охота.

Владимир вздыхает.

В – А оно может и хорошо так, когда вот, полон сил, живёшь, а потом раз! И не живёшь. Вот так внезапно, чтобы именно раз и всё.

К – Не каждому Бог такой подарок дарит, чтобы сразу в рай и без долгой дороги.

В – О том и речь, Кирилл, о том и речь. Испытание, что ли, какое?

Кирилл пожимает плечами.

К – Кто знает? Может и испытание.

Н – Кого? Кого испытание? Вот та же бабушка наша, кого бог испытывал? Её или мать? Или меня? Или может всех нас?

Е – Ну Настя...

Н – А что? Я этих божественностей не понимаю. Ну, хочет бог испытать кого-то, так испытывай, почему кто-то ещё страдать должен?

К – Так оно, может быть, в том и задумка, что не для одного человека испытание придумано? Откуда нам знать?

Н – Тогда зачем...

К – Вот когда там будешь, тогда и узнаешь, зачем. Это после все связи ясны станут, не сейчас, не в этой жизни. Может ты, лично ты, спаслась через бабушку, ведь возможно?

Настя не находит, что сказать.

В – Порою даже интересно посмотреть, что там такое...

Е – Владимир, ты меня пугаешь.

В – А тебе не интересно?

Елизавета улыбается.

Е – Пока – нет, я ещё пожить хочу. Я, пожалуй, за несколько последних лет впервые жизнь почувствовала. Нет, правда, я это честно говорю. И мне не стыдно за свои слова, я знаю, что мама тоже была бы рада, если бы увидела меня такой.

В – Ей ведь, Даниил Сергеевич, за себя стыдно было. Всё... (осекается). Да что уж там, давайте начистоту? Стыдно ей было, что она, которая всю жизнь о всех нас заботилась, вдруг такой... обузой стала. Оно, конечно, не так, не обуза, но разве ж переубедишь? Неловко ей было, что к своим страданиям и нас, получается, подтягивает.

Е – Да (улыбается), шутила всё по этому поводу, сначала

ла... А потом уже просила...

Елизавета замолкает, не зная, как продолжить.

Н – Не могла она на себя руки наложить, вот и просила, чтобы ей помогли. Маму просила. Последнее время, когда обезболивающие совсем помогать перестали, очень часто просила.

Е – Нет, Настя...

Н – Я слышала, мама, не отпирайся. И я не вижу в этом ничего зазорного.

Даниил немного удивляется.

Д – Прямо сама просила?

Елизавета неуверенно кивает.

Е – Да.

Д – Так может это, когда приступы были, в беспмятстве...

Е – Нет, в такие моменты как раз не просила. Вернее просила, но редко. Мама у меня очень рассудительной была и просто так, на эмоциях, никогда ничего не говорила. Она спрашивалась разрешения серьёзно поговорить и просила... Говорила, что я ей самый близкий человек и от кого же ещё, если не от меня, смерть принять?

Д – Что-то я не понимаю...

Владимир принимается разливать коньяк.

В – Да что тут понимать, Даниил Сергеевич? Тяжело ей было, а о спасении и речи уже не было. Как ещё прекратить страдания? Вот и просила... помочь.

Д – Не понимаю я, как можно просить, чтобы меня самого убили?

А – А почему нет? Такие случаи...

Д – Но это же жизнь! И второй жизни не будет. Всё. Тебя нет. Как можно просить, чтобы тебя не стало? Ерунда какая-то.

Е – Зря вы не верите, я сама...

Д – Да, не верю! Нет, я понимаю, в пылу горячки просить, тут я могу понять, но чтобы вот так, на серьёзный разговор...

А – Вы просто не видели, как всё это было. Да даже и не в том дело, что болеет человек, а что любящие кругом, они через тебя болеют, им от того может и ещё хуже. Чего и не попросишь только.

Д – Тем более, как у любящего тебя человека просить, чтобы он тебя убил?

А – А кто ещё? Кто ещё поможет? Если не любящий тебя. Кого попало с улицы не попросишь, вряд ли, что поможет.

Д – Вы так говорите, помощь... Что значит «помочь убить»? Помогите мне, обворуйте, а то я нищим стать не могу. Ведь то же самое. Да даже и больше того, жизнь – это не вещь, жизнь уже точно не вернёшь.

К – Нет, это вы о разных вещах говорите. Вернее, нет, не о разных, но в вашем смысле всё-таки о разных. Помощь – это когда от твоих действий человеку будет лучше. Если бабушка считала, что там, в том мире, ей будет лучше, чем здесь, то просьба переправить её в тот мир – это именно призыв

помочь, помощь.

Д – Да какой мир... (Даниил начинает злиться)

А – Тут не в мире дело, Кирилл вам не то сказать хочет; дело в том, что лучше, а что хуже.

Д – И что?

А – Вот и получается, что если со смертью бабушке стало бы лучше...

Д – Да как хоть лучше?

А – Вот так и лучше. И правда, ей стало действительно лучше. Ведь не больно уже?

Д – Ей никак.

Е – Вот вы, Даниил Сергеевич, что предпочтёте: просидеть сутки на иглах, да что б родные ваши видели, или просидеть на обычной кровати, которая не вызывает абсолютно никаких эмоций?

Д – Это разные вещи.

Е – В том ваша проблема и заключается, что для вас это разные вещи. А оно всё одно.

Д – Ну как одно? Как? Жизнь, повторяю – это не вещь, здесь нельзя судить так же.

Е – Как, так же? Со стороны? Нельзя. Потому только любящие, близкие люди могут судить о жизни другого человека.

Д – И вы рассудили? (к Елизавете)

Е – В каком смысле?

Д – В буквальном, ведь можно... оказать помощь?

Елизавета обижается.

Е – Я вам даже больше скажу, Даниил Сергеевич, она мне и способы предлагала, и как сокрыть, что её убили...

Д – Вот как...

Е – Да, она обо мне беспокоилась, так же, как и я о ней, я тоже ей только лучшего желала, всегда так было.

Д – Лучшее, я так понял, это смерть?

В – Ну хватит вам уже спорить, помиритесь.

Владимир поднимает рюмку.

В – Вы знаете, Даниил Сергеевич, как у нас все споры любят? Одни философы, не иначе. Вы уж простите, не принимайте близко к сердцу. Любим мы это дело, что поделать? Да и вы, не наседайте, видите, неприятно человеку (пауза). Давайте лучше с вами выпьем.

Даниил вздыхает.

Д – Да уж... Давайте... За согласие (пытаясь изобразить улыбку).

Все чокаются.

Сцена 4

Обстановка: дом, вечер.

Действующие лица: Даниил, Настя

Та же беседка на заднем дворе. Солнце уже почти село. Даниил сидит один, что-то изучая в телефоне. Подходит На-

стя.

Н – Для вас всё готово, идите в дом.

Даниил откладывает телефон.

Д – Хорошо тут у вас, дом, природа... Ничего, что я ночевать остаюсь? Честно говоря, неудобно как-то.

Настя садится напротив.

Н – Ничего неудобного. А вот с мамой у вас и, правда, неудобно получилось, она очень расстроена.

Д – В смысле?

Н – Вы же так намекнули, что это она бабушку... Да ещё и прикрывается философией. Ведь так вы подумали?

Даниил некоторое время молчит.

Д – Так.

Настя говорит уверенно, даже жёстко.

Н – Вы понятия не имеете, что для мамы значила бабушка. И сколько мама для неё сделала в последнее время. И как она плакала ночи напролёт, после этих бабушкиных просьб. Вы же про это не подумали, правда?

Даниил молчит.

Н – У меня у самой сердце кровью обливалось, когда я на маму смотрела; как же было жаль мою бедную маму... А вы такие вещи говорите. Это... Это просто подло, Даниил Сергеевич.

Д – Да-а (вздыхает).

Н – Вас бы тогда, в то время, на место мамы на день поместить, хотя бы на день, или на место бабушки, да или хотя

б на моё место. Вы бы уже так не говорили. И не утверждали бы того, о чём никогда даже не думали толком.

Настя встаёт.

Н – Не хорошо, Даниил Сергеевич, стыдно должно быть.

Д – Не хорошо (в сторону, еле слышно)

Настя уходит. Даниил вздыхает и устало потирает глаза.

Сцена 5

Обстановка: дом, утро.

Действующие лица: Даниил, Анна, Елизавета

Даниил обувается в прихожей. Рядом, немного в стороне, стоит Анна, покорно ожидая возможных указаний.

Даниил заканчивает обуваться, распрямляется, на секунду задумывается.

Д – Анна...

А – Да.

Д – Позовите, пожалуйста, Елизавету Павловну. Я на улице буду.

А – Хорошо.

Анна уходит.

Даниил выходит на улицу; ждёт, опустив голову и о чём-то усердно думая.

Через некоторое время выходит Елизавета.

Е – Анна сказала, что вы меня звали.

Д – Да, я её просил. А проводите меня до машины (улыбается).

Е – Разумеется.

Неспешно направляются в сторону ворот.

Д – Я вообще... Конечно, не ряди того, чтобы вы меня проводили, звал. Я, Елизавета Павловна, извиниться хотел.

Е – Не стоит...

Д – Нет, я был не прав и я хочу извиниться.

Елизавета начинает улыбаться.

Е – Извинения приняты.

Д – Я вчера всё лежал и думал... Да, не прав я был, наговорил лишнего, не подумавши. Действительно, если представить...

Елизавета вздыхает.

Е – Лучше даже не представляйте. Это очень больно.

Д – Это я и понял. А Мария Фёдоровна часто... просила?

Е – Раньше ещё не очень; думала, конечно, но просить стеснялась. Потом, когда надежда в ней совсем угасла, она решилась и попросила... Владимира, вы же знаете, да?

Д – Да.

Е – Владимир мне рассказал. И мама всё ждала. А я ещё понять не могла, что она в последнее время так косо на Владимира смотрит? Только вчера, когда он про своё обещание рассказал, я всё поняла. Но я его не виню, я... Понимаю. Да, он должен был, но не смог, так же, как и я не смогла. Я представляю, как ему было трудно решиться, потому что мне бы-

ло трудно точно так же. И вы, прошу, не судите Владимира строго за его слабость (улыбается).

Д – Я не осуждаю.

Е – И меня не осуждайте, я тоже слабая. А как мама просила... Да, в последнее время часто. Тут всё наложилось. И боль её, от которой невозможно было никуда деться, и наша боль, душевная, и то, что Владимир обещание не выполнил, и, а это, прежде всего, её смирение. Она уже распрощалась с жизнью, и жить не хотела. Потому, в последнее время, очень часто меня просила. И так, между делом, и намёкам, и на серьёзный разговор звала.

Д – Даже варианты предлагала?

Е – Конечно! Она рассудительная была. Самый её любимый вариант был – передозировка обезболивающего. Она не могла сама себе внутривенно укол сделать, поэтому и просила. Или ещё предлагала подушкой задушить, мол, у неё опять приступ был удушья, а я не успела. Тогда она говорила, что ты главное подушку не отпускай, как бы я ни брыкалась (грустно улыбается). Или даже предлагала ударить чем-нибудь тяжёлым в основание черепа, а потом сбросить с лестницы, мол, она сама с лестницы упала, споткнулась и головой неудачно ударилась.

Д – Страшные вы вещи рассказываете.

Е – А как слушать это страшно? Нет, не то, что она умрёт в итоге, это как раз и не страшно, а как вот я своими руками... Трусость человеческая, самая обычная трусость. А мама мне

и так, и так, всё пыталась достучаться, а я... Боюсь, не могу и всё тут.

Даниил кивает.

Д – Да уж...

Е – Знаете...

Елизавета задумывается.

Е – Одно время мама почти совсем не ела. Просила, чтобы ей еду оставляли, а она потихонечку... Действительно, еда отбавлялась. А потом Анна не выдержала и призналась, что мама приказала ей еду понемногу отбавлять, чтобы незаметно было, что она не ест совсем и чтобы тем самым истощить себя, чтобы болезнь добила её наконец... Но Анна добрая. И болтушка. Не выдержала. Я тогда к маме пришла, говорю, заметила я, как Анна сегодня еду выбрасывает, объяснись, а сама улыбаюсь, мол чего это ты удумала... Да так с улыбкой дело и кончилось. А потом я ночь напролёт ревела.

Некоторое время идут молча.

Д – Не тираньте себя, я всё понимаю.

Е – Нет, мне и самой высказаться хорошо. Это всё... Чтобы вы слабость мою осознали, в какой ситуации я человеку не помогла. И почему помощь моя требовалась. Мне на душе легче становится, если вы знаете, вроде как прощения в вас нахожу.

Д – Да кто я такой...

Е – Вы тот, кто должен разобраться, у кого всё-таки хватило жалости и духу помочь моей бедной маме. Мы на вас

все очень надеемся. Нам интересно.

Даниил усмехается.

Д – Да-а, всё равно как-то...

Е – Не продолжайте. Действительно, я становлюсь навязчивой.

Д – Нет, я в том смысле...

Е – Я наверняка знаю. Да и конечно подумать вам ещё надо, уж простите за прямоту. Но я понимаю, не думайте обо мне плохо.

Д – Я о вас обо всех думаю только хорошее, потому и не могу ничего понять.

Подходят к воротам.

Е – Вы обязательно разберётесь, Даниил Сергеевич, я в вас верю.

Даниил снова усмехается.

Д – Да уж, хотелось бы разобраться.

Е – До свидания. Вы звоните, приходите, вы нас совсем не затрудняете.

Даниил открывает ворота и выходит.

Д – Добрые вы... Всем бы такими быть.

Е – Спасибо, Даниил Сергеевич.

Д – До свидания. И ещё раз извините меня.

Е – Извиняю. До свидания.

Ворота закрываются.

Сцена 6

Обстановка: кабинет начальника, день.

Действующие лица: Даниил, Константин

Даниил сидит за столом, понуро опустив голову; Константин выжидающе на него смотрит. Немая сцена длится относительно долго.

К – Ну так что?

Даниил пожимает плечами.

Д – Не знаю. В общем, и с бабулей этой никаких зацепок, и с Алексеем непонятно.

К – А с Алексеем что?

Д – Да тоже как-то... Ну вот зачем он убил? Не понимаю, просто не понимаю. Вроде нормальный человек, адекватный, на психа не похож. Что-то он не договаривает, а вот что – не могу понять.

Константин кивает.

К – Ладно, с этим товарищем и так всё понятно, он уже никуда не денется, ну а с бабулькой-то что делать?

Даниил довольно долго молчит.

Д – Висяк получается.

К – Висяк... Тебе самому-то не стыдно?

Даниил разводит руками.

Д – Ну не знаю я уже, что думать! Все там хотели, чтобы бабулька померла, буквально все. Кто из жалости, кто от чувства долга, кто от любви к ближнему своему...

К – Интересно...

Д – Но не врут они! Такая семейка... Необычная. Добрые прям...

К – Добрые, из жалости... А может и так? Почему нет?

Д – Да как-то... Нет, так оно и есть, и я всё понимаю. Но всё равно... (Даниил пожимает плечами). Не знаю.

К – Психи, они разные бывают. Я на своём веку столько дураков повидал... От большой и светлой любви чего тока народ не творит. Оно может и правильно творит, порою, а порою и что зря получается. И вот как судить? Закон любовь и жалость не учитывает. Это как на войне, добей, браток, а какое за это «добей» наказание, по закону? Трибунал, расстрел. А по совести? (пауза) То-то и оно. Так что всякое бывает.

Д – Бывает...

К – Помню я случай, я тогда ещё молодой был, в деревне работал. Убили деда, инвалида, ветераном был. Родных у него не было, дед совсем плохой стал, почти не ходил, от пролежней помирал. И кто-то сжалился над ним, застрелил. Но вот кто? Деревня-то большая, деда многие знали, а тогда ружья в каждом доме были. И ведь нашёл я его. Знаешь, как?

Константин выжидает.

Д – Как?

К – Кто мог сжалиться? Самый жалостливый, кому не всё равно. Остаётся только найти самого доброго гуманиста на селе и у кого духа хватит убить. Оказался там один, в войну

санитаром работал, много повидал, имел опыт... добивания. А до войны на философа учился, гуманист тот ещё. Я с ним поговорил по душам, вижу, есть, что скрывать, а потом он и вовсе признался. Вот так.

Д – И сколько ему дали?

Константин улыбается.

К – Это к делу не относится.

Даниил задумывается.

Д – Искать самого доброго?

К – А почему бы и нет?

Даниил кивает и снова опускает голову.

Эпизод 4. Всё наоборот.

Сцена 1

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Алексей, дежурный

В кабинет заводят Алексея. Даниил поднимает голову, отвлекаясь от каких-то мыслей, и провожает взглядом Алексея, который усаживается на стул. Сопровождающий сержант уходит.

А – Здравствуйте (еле слышно).

Даниил кивает; он смотрит на Алексея, но, при этом, как будто не замечая его.

Д – Расскажите мне о... О вашей любви.

Алексей немного удивляется и вопросу, и интонации Даниила.

А – Да что рассказать? Даже и не знаю. Хорошо нам было, во всех значениях этого, казалось бы, простого выражения. Мы очень любили друг друга. Это я уже сейчас понимаю, что последние годы я хоть и питал самые нежные чувства к Лене, но, наверное, это уже не любовь была. Да во всех семьях так. Но Лена была не такая. Она действительно любила. Очень любила меня. Знаете, чем она занималась в свободное время, если меня дома не было? (улыбается) Она готовила мне сюрпризы. Обычно, делала какую-нибудь вкуснятину, а сама, к слову сказать, не ела, всё потолстеть боялась и что я её брошу из-за этого. Да и другие сюрпризы... Всякое было. В ней было столько нерастраченной любви, что она, я полагаю, не знала, куда деть её, вот и доставалось всё мне.

Д – Вам повезло.

А – Очень, очень повезло! И представляете после этого моё скотство? Ко мне вот так, а я... Дурная голова, совсем дурная.

Д – Всё равно не понимаю, почему нельзя было вернуть всё в старое русло, когда вы со своей любовницей расстались.

Алексей вздыхает.

А – Я больше не любил Лену и не мог полюбить снова. Я старался, но разве ж так подделаешь чувства? И Лена это видела; она всё старалась вернуть меня... Я слышал, как она

ночью тихо плакала в подушку или поглаживала меня, думая, что я сплю. Это было невыносимо. Какой сволочью и слабаком я себя чувствовал... Но поделать ничего не мог; уже ничего не могло стать так, как прежде. Я не мог жить с Леной, а она не могла жить без меня. Я поломал ей жизнь, растоптал её любовь и её преданность, а сам... Как мне было стыдно... Да мне и сейчас стыдно.

Д – Неужели нельзя было ничего придумать?

А – Что? (пауза) Не знаю. Какие варианты? Жить с нею, чтобы она видела, как я всё меньше люблю её и чтобы она с ума от этого сходила? От попыток вернуть меня и осознания того, что уже ничего не вернёшь. Или предать и бросить? Одну? Чтобы она мучилась всю оставшуюся жизнь? Ведь мы уже не молодые и вряд ли она смогла бы найти свою любовь. Тем более, зная её, она бы и не искала. Она бы завела себе кошку и сидела бы вечерами на диване, вспоминая те времена, когда мы с нею... Нет, подумал я, я хоть и слабак, но не настолько. Не мог я обречь её на такие муки до конца дней. Это же так страшно, так... У меня от одной мысли, что из-за меня она вот так теперь всю жизнь... кровь в жилах стыла и я был готов сгореть со стыда от своей слабости, трусости и безответственности.

Д – И вы решили избавить её от мучений?

А – Да, я решил взять, наконец, на себя ответственность за ту, которую заставил себя любить. Я был в ответе за неё. Я должен был не допустить её мук. Но я не мог ничего с со-

бой поделаться. И что остаётся? Остаётся только один способ избавить её от мучений. Быстро, незаметно, чтобы она и сообразить не успела... Чтобы она навсегда осталась счастливой. В тот вечер я собрал всю свою волю в кулак. Я купил шампанского, извинился, она была счастлива. Мы уснули в объятьях друг друга. А потом... Потом я достал нож и...

Д – Вы хоть бы подстроили... А то вроде и невиновным хотели оказаться и так это ограбление обставили наплева- тельски, что и ежу было понятно, с первой же минуты, что не похоже это дело на ограбление.

А – А мне и было наплевать. Я всё думал, сразу мне сдать- ся или попытаться остаться на свободе? Совесть призывала сдать- ся, но ведь тогда мне наверняка дадут пожизненно и я даже на могилу своей Лены никогда не попаду; а кроме меня за этой могилой ухаживать некому. И я решил, что будь, как будет. Бог направит и сам выберет, чего я достоин.

Пауза.

Д – Да-а...

А – Да, я знал, что рискую поломать и свою жизнь, угодить за решётку. Но я знал, на что шёл. Даже если и так, счастье моей Лены того стоило. Если стоит выбор, поломать свою жизнь, но избавить от мук Лену, или пусть она... Нет, меня не жалко, я заслужил, я сам во всё виноват, но она ни в чём ни виновата. Она не должна была страдать из-за такого под- леца, как я. И я сделал выбор. Хоть раз в жизни я набрался духу...

Д – Не понимаю, как можно так набраться духу...

Алексей задумывается.

А – Вот представьте, что вашу жену... Да даже и не жену; мать, брата, сына... Любого, кого вы по-настоящему любите. Вот его укусила змея и если срочно не отрезать ему ногу, то этот человек умрёт. И у вас есть обезболивающее, всё есть, вы всё можете сделать в лучшем виде. Что вы сделаете?

Алексей выжидает, но Даниил молчит.

А – Если вы по-настоящему любите этого человека, то отрежете ему ногу; вы спасёте ему жизнь. А вы представляете, что это такое, своими руками, пилить, сделать инвалидом... Ведь он же будет сопротивляться, умолять не резать... Он не верит, что тогда умрёт, это только вы знаете наверняка. Хотя, вдруг не знаете? Вдруг он и так выжил бы? Вдруг помощь успеет, с противоядием? Вдруг...

Д – Достаточно.

Пауза.

А – В этом сила любви, в жертве, своей жертве, а не в словах и объятиях. Нельзя заставлять страдать того, кого ты любишь. Любой ценой нельзя. Даже ценой своей жизни. Да что там? Даже ценой своей совести. Всю жизнь потом мучиться будешь сам от себя, от того, что совершил, но зато твоя любовь мучиться не будет. Понимаете?

Даниил кивает.

Д – Понимаю.

А – Вот и я решил променять свою совесть на счастье Ле-

ны. Не было другого выхода, просто не-бы-ло. То, что вы говорите, что она любила меня, а я её предал... Да, предал, но лишь тогда, когда всё разрушил.

Д – И вы исправились... (еле слышно, поворачиваясь к окну)

Затянувшаяся немая сцена.

Д – Вот и что мне с вами делать?

Алексей пожимает плечами.

Снова пауза.

Д – Жертвовать ради другого... (спохватывается) Настя!

Сцена 2

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Настя

В кабинет заходит Настя.

Д – Здравствуй, Анастасия.

Интонация Даниила указывает на то, как будто он что-то знает такое, что от него всеми силами скрывали.

Н – Здравствуйте, Даниил Сергеевич.

Д – Присаживайся.

Настя усаживается на стул.

Д – Скажи, Настя, тебе было жаль свою мать?

Н – Вы знаете.

Д – Угу... А скажи, ты знала, что окно в палате Марии

Фёдоровны постоянно открыто?

Настя пожимает плечами.

Н – Знала, наверное. Когда мы к ней ходили, пару раз в последнее время, окно было открыто. Выходит, что знала.

Д – И последний раз за несколько дней до смерти, да?

Настю начинают раздражать эти вопросы.

Н – И что с того?

Даниил задумывается.

Д – Знаешь, я долго думал. Вот, кто? Кирилл заказал? Он, конечно, тот ещё... фанатик, но как-то... Нет у него таких знакомых. Антон? Он не знал, что окно не закрывают. Елизавета Павловна? Она от бабули не отходила и гораздо проще было бы придумать что-нибудь дома, тем более, что она не смогла бы отлучиться без ведома Владимира Ивановича, а он вряд ли бы отпустил её на такое дело. Значит Владимир Иванович? Но он ушёл по звонку, а я проверял, ему звонил доктор, а до того по работе, ещё часов в шесть вечера. (пауза) Как-то всё... Да даже и ни к чему эти факты. Родители ваши не смогли бы, они... слабые, гораздо слабее, чем вы. Тут из вас троих думать надо.

Настя улыбается.

Н – Ничего вы не поняли, Даниил Сергеевич. Да, не родители, тут я с вами соглашусь. Но почему не Антон? Во всех больницах, в жару, окна всегда открыты. А мы часто в больницах бывали, знаем. Почему не Кирилл? Вы недооцениваете его... фанатичность, как вы говорите. Вы пообщайтесь с

ним поближе; он про загробную жизнь, как там хорошо и как тут плохо – уже всем плешь проел, а уж для своей любимой бабушки... Вы же хорошо с ним не общались, да? А то, что знакомых у него нет... Наслышана я про тех поляков, которым он должен; оба – сыночки местных авторитетов, а тем более, что они с Кириллом уже повязаны.

Даниил молчит; заметно, что его запал уже кончился.

Настя продолжает улыбаться; в её голосе читается неприкрытый вызов.

Н – Да, я знала, что окно не закрывается. Более того, давайте начистоту, да? Я именно обратила внимание, что оно не закрывается. И я знала, что в периоды осложнения, когда бабулю подключают к аппарату искусственного дыхания, если отключить этот аппарат, то она умрёт; я про это в интернете читала. И я могла легко уйти из дома незамеченной; у меня опыт в этом деле. Хотела ли я помочь маме? Да, очень хотела, я уже не могла видеть, как мама страдает. И вы, пожалуй, правильно полагаете, что я подхожу на роль убийцы; я смогла бы. Но... Что с того?

Д – В смысле?

Н – В смысле, что вы сможете доказать? Меня видели? Нет. Может, мои отпечатки пальцев где-то нашлись? Нет. Есть вообще хоть что-то, что может указать на меня? Нет. Ничего нет, Даниил Сергеевич. Есть только ваши догадки. Причём догадки сильно избирательные; на том же основании можно было бы обвинять и Антона, и Кирилла. Тем более,

Кирилла.

Даниил кивает.

Д – Да, я думал...

Н – Думали, раскрыли дело, догадались, что это я? Могла бы быть и я. Но нет, не я. Плохой из вас Шерлок, Даниил Сергеевич.

Настя злорадно улыбается.

Д – Я не от том.

Н – А о чём?

Д – Вот поговорил я с тобой, послушал... Понятно мне всё стало, даже вопросы нет смысла задавать. Не ты это, точно не ты (Даниил заметно расстроен).

Даниил берётся подписывать пропуск.

Н – А что так?

Даниил протягивает пропуск Насте.

Д – Ты злая.

Сцена 3

Обстановка: кабинет, день.

Действующие лица: Даниил, Кирилл

Незаметный переход от сцены 3: Даниил продолжает смотреть так же, как в конце сцены 2, после чего откидывается на спинку стула, вздыхает.

Д – А что вы думаете о жизни?

К – О жизни?

Д – Ну да, о человеческой жизни.

Кирилл задумывается.

К – Интересный вопрос... Вот есть бабочка, а до этого она была гусеницей. Что гусеница может думать о себе и о ей подобных? Что это лишь этап. При чём этап неважный, предваряющий. Нет, он важен, конечно, но только именно как подготовка.

Д – И только?

К – А что больше?

Д – Мне здесь интересен аспект ценности.

К – Вот и ценность такая. Нет, ценность большая, но ценность эта должна пониматься через призму жизни после.

Д – Значит цена этой жизни, жизни как таковой, для вас – это...

К – Да, малоценное явление, если вы об этом.

Даниил кивает.

Д – Я догадывался, что так вы и думаете, но хотел услышать.

К – Зачем?

Д – Зачем? Да вот, сделали мне замечание, что я совсем вас не знаю. Вот я и решил вызвать вас, узнать поближе, так сказать.

К – Зачем?

Д – Хм... Не знаю. Снова мысли какие-то, сомнения, догадки... Вы любили Марию Фёдоровну?

К – Конечно! Очень. Она всегда была для меня самым близким человеком в семье.

Д – На что бы вы пошли ради её счастья?

К – Не знаю. На многое. Я вам говорил, что я очень переживал, за её жизнь там, в другом мире. Уж как я только не убеждал её... Но Бог, видите, как распорядился? И к себе забрал, и закона своего не нарушил. Да и к времени, конечно. Измучилась бабушка, не было у неё сил уже. А Бог увидел и сжалился.

Д – Сжалился?

К – А как иначе? Спас от мук, от такой жизни.

Д – Жизнь...

К – Жизнь предваряет, не более того. Что цепляться за неё? Пустое. Если по поводу бабушки, то я даже больше скажу: если нет уже дальше возможностей развиваться, то и зачем тогда вообще жить? Если ты уже лучше не станешь. Чего ждать?

Д – Развиваться... А как же радости жизни, удовольствия, в конце концов, да и та же любовь? Вот так взять и отнять всё.

Кирилл многозначительно поднимает палец.

К – А коли и так, коли об удовольствиях говорить. «Отнять всё» – вот ваша фраза ключевая. Бесчеловечно, жестоко и недопустимо отнять. Да и не в спасении, не в развитии собственном дело, просто по-житейски, нельзя отнимать.

Д – Тогда почему вы говорите...

К – А что я говорю? Что если нет возможности развиваться, то и зачем жить? Даже проще давайте, чтобы вам ближе стало, если нет возможности получать удовольствия, то зачем жить?

Д – Но как может не быть возможности...

К – А вот так и может, Даниил Сергеевич. Очень может. Как с бабушкой вышло. Какое она могла получить счастье? Да и никакого уже. Мучением её жизнь стала. И нет надежды на спасение, ничего уже нет и ничего быть не может, кроме муки этой. Так и зачем тогда продолжать? Вот к чему я про «отнять» ваше. Что отнимать? Если у человека уже нет будущего, точно нет, то, что ты отнимаешь, убив его? Его боль? Но отнят боль – это не преступление, это благо, спасение, поступок. Да здесь и в общем сказать можно. Всегда так. Если дальше будет только боль, не будет уже счастья никакого, нет удовольствий, то зачем такому человеку жить? Жизнь же, она для чего? Если и по-вашему говорить. Для получения удовольствий. Удовольствия – они разные. Для меня вот, в спасении; для кого-то в любви; для кого-то в деньгах. А если не будет этого, то и зачем жизнь нужна? Если никакого удовольствия больше точно не будет. Мучиться?

Д – Не знаю, счастье, оно может быть во всём, да и всё может измениться. Как можно решить за человека?

К – Тут я вам так скажу: вопрос в том, какова вероятность этого нового счастья и изменений? В этом суть. И вероятность эту определяет только сам человек, тут нет допусти-

мого процента и единых для всех правил. А если говорить о бабушке, то вы уже наслышаны, как она просила, чтобы ей помогли, чтобы от мук избавили. Потому как не могла она сама на себя руки наложить, а спасения, смерти желала. Она определилась с этой вероятностью и для неё не стоила она терпения тех мучений, что выпали на её долю. Вот и снова вопрос: зачем тогда жить?

Д – Так может она передумала бы, может...

К – Нет, Даниил Сергеевич! Тут и мнения её спрашивать не надо. Близкие люди достаточно хорошо знают друг друга, чтобы без слов было понятно, что хочет родной тебе человек. И даже так: этот человек может и сам себе не отдавать отчёта, чего хочет, а близкий ему знает, ему со стороны виднее. Это я не о смерти даже. Ведь в обычных делах между близкими так? Когда чувствуешь, чего твоя половинка желает. Когда подарок какой... А смерть, когда жизнь такая, разве не подарок?

Д – Да какой подарок...

К – Вы как посторонний смотрите. А вот если бы смотрели, как любящий человек, тогда и совсем другой разговор у нас был бы. Мало любви в вас, Даниил Сергеевич, уж простите за прямоту.

Д – Да что вы со своей любовью-то всё?!

К – Потому что любовь...

Д – Нет, всё, хватит. Не могу уже больше... Смерть у них подарок!

К – Почему нет? Тут просто. Жизнь – это средство получения удовольствия. Иначе, жизнь – это боль. Нет удовольствия, не может его быть, зачем тогда такое средство нужно? Ведь только боль останется. Вот тут и надо помочь любимому человеку избавиться от боли, особенно если он сам того желает. Это очевидные мысли. Это основы гуманизма, если хотите. Подумайте об этом вечером, Даниил Сергеевич.

Д – Как будто мне больше подумать не о чем! Я с вашим гуманизмом и любовью уже скоро с ума сойду, сил нет, а тут я ещё вечером размышлять стану! И так все мысли только, кто из вас бабулю грохнул, кто самый добрый?

Даниил кивает.

К – Потому и вызвали меня.

Пауза.

Д – Да, потому и вызвал. Потому что вы самый добрый, вы, наверное, больше всех любили бабулю и именно поэтому вы, выходит, её и убили. Нет добрее вас.

К – Я, конечно, польщён, но – нет, не настолько я, получается, любил её, чтобы убить. Каюсь в этом; должен был убить; как добрый человек должен был; как верующий должен, как внук любящий, да вот... Не вышло.

Д – А кто тогда? Вот кто, если не вы? Остальные или любили не так сильно, или злые, или просто слабые. Ну, вы же это! Я всё думал-думал вчера, полночи не спал. Вы! И знаете, почему ещё я убедился? Потому что чутьё у меня есть, я обычно всегда сразу чувствую, кто виновный и тут я сразу

думал, что вы. Признайтесь. Я даже обвинение вам не предъявлю, отпущу, тем более, что нет у меня улики никаких. Но вот просто признайтесь, для очистки совести.

Кирилл улыбается.

К – Не в чем мне признаться. Не я это. Честно говорю вам.

Даниил злится.

Д – Да что вы...

К – Ну хоть на детекторе лжи проверьте, не я это.

Д – Показания детектора, к сожалению, к делу не пришьёшь.

К – Так вы ради интереса, чтобы знать. Я даже уверен, что вся семья наша захотела бы проверку такую пройти, самим интересно. Ведь все убить её хотели, всем её жаль было. Вот и выясним...

Д – И все согласятся?

К – А почему нет?

Даниил думает.

Д – Хорошо, у меня есть знакомый с таким оборудованием, я одолжу, если родственники ваши согласятся.

К – Не извольте беспокоиться, я договорюсь, я в них уверен.

Д – Тогда завтра вечером. В семь.

Сцена 4

Обстановка: дом, вечер.

Действующие лица: Даниил, Владимир, Елизавета, Кирилл, Антон, Настя

Все сидят в гостиной. Стоит тишина. Даниил довольно долго возится с ноутбуком, заканчивая подключать к нему провода с датчиками. Он открывает программу; убеждается, что всё подключено правильно. Утвердительно кивает.

Д – Ну всё, готово. Если хотите, можете заходить по одному, чтобы другие не слышали.

Е – Нам скрывать нечего.

Д – Хорошо. Тогда... Кто хочет пойти первым?

В – Я отец семейства, мне и идти.

Владимир встаёт и подсаживается на стул около Даниила.

В – А это не больно? (улыбается)

Даниил подключает датчики к Владимиру. Садится на место.

Д – Начнём. Вас зовут Владимир?

В – Конечно, как же ещё? У меня и в паспорте...

Д – Пожалуйста, отвечайте только да или нет, по делу.

Владимир кивает.

Д – Вы живёте в России?

В – Да.

Д – Вы когда-нибудь совершали что-нибудь незаконное?

Владимир на секунду задумывается.

В – Да.

Д – Вы родились в сентябре?

В – Да.

Д – Вы хотели убить Марию Фёдоровну?

Владимир снова задумывается и опускает голову.

В – Да (поворачивается к Елизавете), она просила, и я обещал ей, ты знаешь, но...

Д – Вы строили планы убийства Марии Фёдоровны?

В – Да.

Елизавета тяжело вздыхает.

Д – Сейчас лето?

Владимир усмехается.

В – Да.

Д – Вы убили Марию Фёдоровну?

В – Нет. Я не смог (виновато опустив глаза в пол).

Всплесков показаний на экране ноутбука не видно.

Д – Вы знаете, кто её убил?

В – Нет.

Даниил замолкает и, проделав какие-то манипуляции мышкой, встаёт, начиная снимать датчики с Владимира.

Д – Вот и всё.

В – Действительно, совсем не больно (снова улыбается, но уже не так весело).

Д – Я же говорил.

Даниил заканчивает снимать датчики с Владимира.

В – Очень интересная процедура. Признаюсь, я даже занервничал. Вроде и не с чего, а всё равно как-то... Не по себе, что ли? Даже знаете, вот ответил и такое чувство, что

камень с души упал. А что за камень? Ума не приложу. Это вот как экзамен важный сдал, хотя и готовился перед этим. Вот какие ощущения. Забавно, забавно...

Д – Кто теперь?

Е – Давайте я.

Елизавета подходит к Даниилу и садится на стул; Даниил подключает к ней датчики; садится за ноутбук.

Д – Вас зовут Елизавета?

Е – Да.

Д – Вы живёте в этом доме?

Е – Да.

Д – Вы ухаживали за Марией Фёдоровной?

Е – Да.

Д – У вас возникало желание убить её?

Е – А почему вы, Даниил Сергеевич, сначала не спросите, желала ли я ей счастья?

Д – Хорошо. Вы желали счастья Марии Фёдоровне?

Е – Да.

Д – У вас возникало желание убить её?

Е – Да. Потому что я желала ей счастья.

Д – Здесь все это знают, Елизавета Павловна, но таковы условия теста.

Е – Извините.

Д – Вы убили Марию Фёдоровну?

Е – Нет. К сожалению не я.

Д – Сейчас вечер?

Е – Да.

Д – Вы знаете, кто убил Марию Фёдоровну?

Е – Нет.

Даниил кивает.

Е – Всё?

Д – Да, быстро.

Даниил продолжает что-то делать в ноутбуке.

Д – Так... Вы хотели убить Марию Фёдоровну?

А – Не то что б хотел... Но – да, мысли были.

Е – Антон...

Д – Вы строили планы убийства?

Антон некоторое время молчит.

А – Да.

Елизавета снова удручённо вздыхает.

Д – Вы убили Марию Фёдоровну?

А – Нет.

Д – Вы знаете, кто её убил?

А – Нет.

Д – Вас зовут Кирилл?

К – Да.

Д – Вы учитесь за границей?

К – Да.

Д – Вы хорошо относились к Марии Фёдоровне?

К – Конечно, я очень любил её.

Д – Вы хотели убить её?

К – Я желал ей царствия божьего.

Д – Отвечайте конкретно.

К – Как я могу ответить конкретно на такой вопрос? Я не хотел убивать её, но ради царствия божьего – да, я допускал такие мысли. Иногда я думал об убийстве, как о спасении её души.

Д – Значит хотели?

Кирилл пожимает плечами.

К – Выходит, что да.

Д – Вы хотели получить наследство?

К – Нет.

На экране нет никакой необычной реакции; Даниил удивлённо приподнимает брови и на секунду переводит взгляд с монитора на Кирилла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.